

ЖИЗНЬ. СЕМЬЯ. XX ВЕК

Документальное повествование с лирическими отступлениями

Автор: Леонид Александрович Лисин

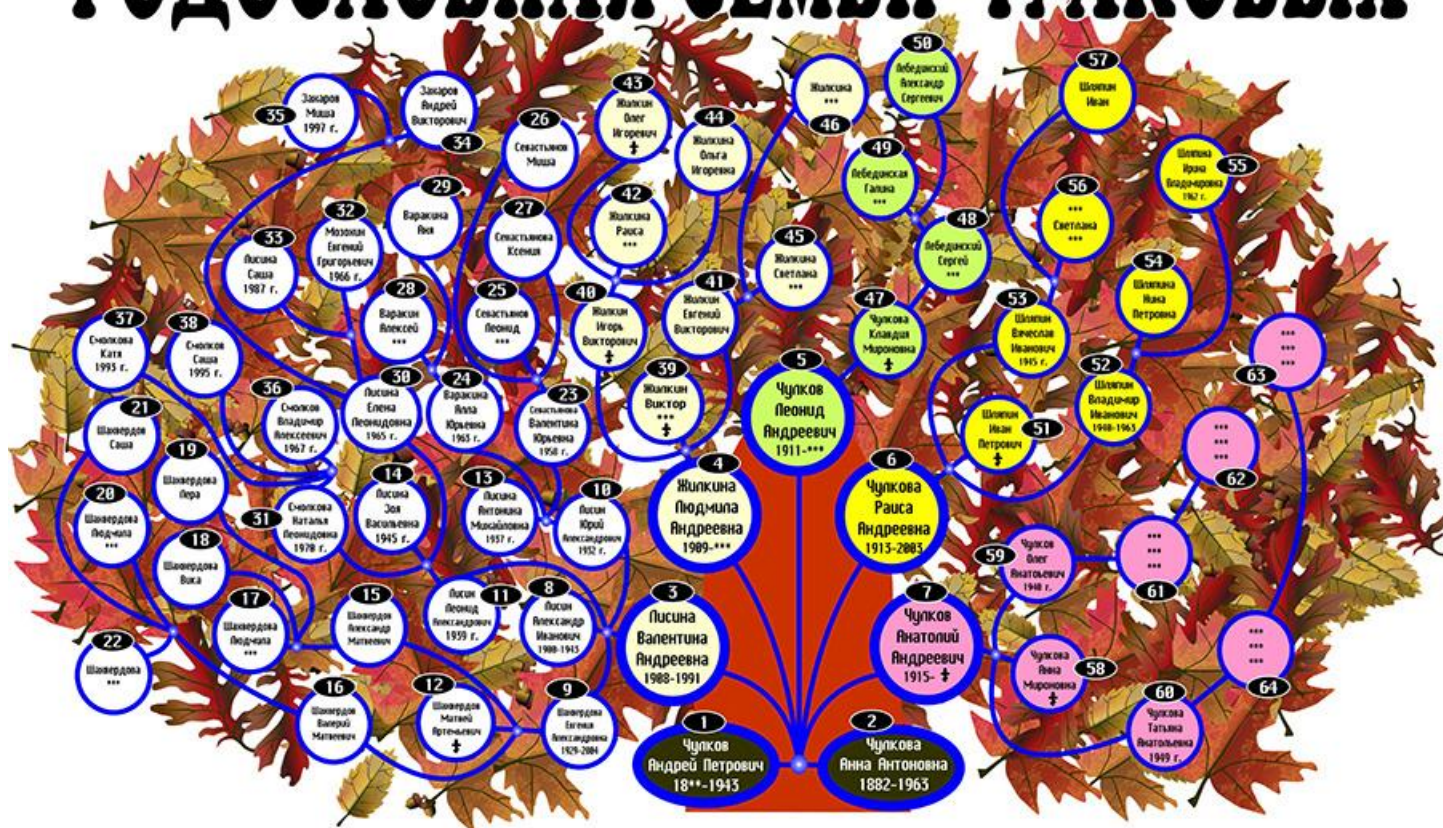
ПРЕДИСЛОВИЕ

Как же просты, наивны, бываем мы в детстве! Ребенку кажется, что и он, и его мама, папа, любимые дедушка с бабушкой будут жить вечно, оставаясь здоровыми и энергичными.

Ну, ладно, думает он после прожитых на белом свете лет так десяти: ну, дедушка с бабушкой, они все-таки старенькие, когда-нибудь придется с ними проститься, но уж вот мама, папа и я (а если есть еще и братишка или сестренка) мы-то точно никогда не будем старыми. И такая иллюзия долгие годы живет в душе ребенка. Мир непосредственной, своей родной семьи близок ребенку, он в ней, как в неприступной крепости, защищен от всяких посягательств извне, и это вполне самодостаточный мирок. Если же кто-то из самых родных людей по разным причинам (необязательно смерть, чаще – развод родителей) уходит из жизни ребенка, для него это страшная трагедия, потрясение основ мироздания.

В полной же семье, без скандалов, бытовых кошмаров, ребенок очень редко задумывается: а откуда, собственно, он произошел, и его родители, и его дедушка и бабушка, и кто там дальше – прапрапра... А вот став взрослым, ученым, умным, бывший ребенок начинает подчас задумываться, где его корни, причем корней-то много – и от отца и от матери. Взрослый человек подчас горько сожалеет, что плохо, невнимательно слушал рассказы деда (бабки), матери (отца) о старом времени, о той жизни, которую он не застал по молодости лет и которая, оказывается, была не менее интересной, насыщенной, иногда – трагической, чем его собственная. А где же мои пра пра пра, думает взрослый пожилой человек, но теперь не у кого спросить, и генеалогическое древо остается без могучих, разветвленных корней.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ ЧУЛКОВЫХ

Каюсь теперь, на склоне лет, и я очень сожалею, что плохо слушал рассказы матери о старой жизни, мало что запомнил и совсем не знаю о своих прапра пра... Что ж, из обрывков воспоминаний и великого множества старых простеньких черно-белых фотографий буду пытаться восстановить историю моей семьи, без пра пра, а начиная с моих дедушки и бабушки. Дело еще в том, что очень скоро, видимо, я сам стану не просто дедом (я сейчас уже четырежды дед), а прадедом, так что для моих детей и внуков мои дед и бабушка и являются этими пра пра. Пусть хоть они (дети, внуки, правнуки) заглянут в историю на 100-120 лет назад.

ИСТОКИ

...Итак, Российская империя конца XIX – начала XX века, Литва, маленький провинциальный городок Таураге. Живет в нем симпатичный неженатый молодой человек лет 25, Андрей Петрович Чулков, русак, православный. Служит акцизным чиновником на местной фабрике, неплохо зарабатывает и является отличной партией для местных барышень. Долго ли,

коротко ли, но однажды, году этак в 1907 на балу в городском собрании знакомится Андрей с прелестной девушкой, стройной, строгой, с замечательными серьезными серыми глазами.

Девушку зовут Анна, и происходит она из католической польской семьи Улиньских.

Дело молодое, вскоре полюбили друг друга Андрей и Анна, и не давали им прохода соседские ребята, крича вслед вековую считалочку: «Тили-тили-тесто, жених и невеста...»

И хотя ходили молодые люди на воскресную службу в разные храмы (она – в костел, а он - в церковь), сердцу не прикажешь, и решили они пожениться. А как же это сделать, кто и где их обвенчает? Дома у Улиньских скандал: дочка Анна, бесстыдница, собралась замуж за

кацапа православного, какой позор! Да оказалась девушка Анна с характером: «Люблю Андрея, и все, и жизнь без него – не мила!». Побились, побились родители со строптивой дочерью, да делать нечего, видно, очень любили они ее, свою строгую, серьезную, упрямую.

И не так уж много времени занял обряд перехода польской девушки Анны Улиньской из католичества в православную (государственную!) веру, и вот уже молодые в церкви, и обвенчаны. Даны клятвы верности на всю жизнь, короны над головами, обмен кольцами, и

вот оно – молодое, безбрежное счастье. Счастье

Бабушка и дедушка

выстраданное, и от того более полное.

Что же дальше?.. А как у всех в то время: семья,

дети – без ограничения рождаемости, заботы материальные, зарабатывал-то только Андрей.

Семья увеличивалась год от года:

1908 год – дочь Валентина (моя будущая мама)

1909 год – дочь Людмила

1911 год – сын Леонид (я – его тезка)

1913 год – дочь Раиса (живчик с детства, энергии хватило ей на 90 лет жизни)

1915 год – сын Анатолий.

Вот так, за 7 лет – пятеро детей!

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЙ

Возможно, было бы и больше, да помешала война «с немцем». «Немец» наступал, и православные стали покидать Литву. Жизненные вихри занесли многочисленную уже семью Чулковых в г.Ржев Московско – Белорусско – Балтийской железной дороги. И вот передо мной «Удостоверение», выданное Ржевской ж/д школой №1 о том, что учащаяся Чулкова Валентина Андреевна согласно постановлению Школьного Совета от 10 июня 1925 года окончила школу и выпущена из группы седьмого года обучения. Подписи: заведующий школой (не директор!) и секретарь Школьного Совета - №37/238 от 17 июня 1925 года».

И в этом же 1925 году семья Чулковых перебирается на Урал, в городок Нязепетровск Челябинской области: перевели по работе Андрея Петровича. Детям было от 10 до 17 лет, в места семья попала раздольные, и это время жизни мама всегда вспоминала с особенной теплотой. Прекрасная русская природа, тихая речка, полная рыбы и раков, озеро, заросшее кустами орешника, и, главное, необозримые заливные луга с высокой травой, наполненной всеми полевыми цветами, которые только есть в России. Изумительный воздух, многоцветье вокруг, безудержный простор, молочные и мясные продукты, в изобилии здесь имевшиеся, все это создавало отличные предпосылки для развития детских организмов. Никакой «тяжелой промышленности» тогда в Предуралье еще не было, и дети росли здоровыми и крепкими. Мама вспоминала, что в 18-19 лет она была как «кровь с молоком, тело как сбитень», все спорилось в ее руках, и невеста подрастала - на загляденье. Но все в этой жизни заканчивается. Андрея Петровича перевели по службе на сей раз далеко – в Бурятию, рядом со знаменитым озером Байкал.

Начался продолжительный «бурятский» период жизни семьи Чулковых.

БУРЯТИЯ. ЗАМУЖЕСТВО ВАЛЕНТИНЫ

Жили они, в основном, в столице – г.Улан-Удэ, но некоторое время провели и в окрестных деревнях. Мама закончила 2-летние курсы работников просвещения, получила то, что сейчас составляет примерно статус педколледжа и право преподавать в начальной школе. По характеру своему она к учительской работе не тяготела и, едва вкусив прелести обучения русско-бурятских ребятишек (в 19-то лет!), поступила на бухгалтерские курсы. В том же здании в Улан-Удэ, где формировался новый советский бухгалтер, находились курсы повышения квалификации директоров школ Бурятии. Среди этих «повышающихся» был и не столь уже молодой, 28-летний холостой директор начальной сельской школы Александр

Иванович Лисин, русский, из семьи забайкальских казаков (но буряты явно тоже были в его родне). Широкие выпирающие скулы, ярко-черные густые волосы, высокий рост – все это не прельстило молодую девушку Валентину, когда они случайно (или – не случайно!) познакомились в здании Наркомпроса. Неизвестно, чем бы закончилось знакомство, однако в дело вступили подруги Валентины и друзья Александра. «Да ты посмотри, Валюша, уговаривали они, да он сама скромность: не курит, не пьет, вежливый, культурный, а на тебя смотрит-то как, не наглядится!».

Подумала, подумала «кровь с молоком, тело как сбитень» - и согласилась. Что-то не видно было вокруг парня, который бы пришелся по душе, а молодые порывы волновали кровь. Дело шло к весне 1927 года - и «гормоны заиграли». Религия была к тому времени в государстве упразднена, и, хотя оба изучали в

детстве в школе Закон Божий,

Мама и папа

теперь по воле партии и правительства стали они атеистами, так что свадьба обошлась без венчания. Однако с контрацепцией в Бурятии тогда было, очевидно, совсем плохо, и дети пошли (а пример-то на глазах: бабушка с дедушкой!) один за другим. Аккурат в сочельник накануне Рождества Христова 1929 года родился первенец, дочь, которую точно по святцам (видимо, позаботились бабушки с обеих сторон) назвали Евгенией. Втайне от родителей малышку окрестили в домашних условиях (как и всех последующих детей).

Через год, в 1930 году родился первый мальчик, нареченный Борисом. Темненький, миленький, тут же он стал любимцем семьи. Однако недолго пришлось малышу прожить на этом свете. Бореньке не было и 10 месяцев, как задушила его проклятая скарлатина. Ангелочком в синее бездонное забайкальское небо взлетела безвинная душа мальчика, а родители взяли перерыв на годик. «Отдых» продолжался недолго, и в сентябре 1932 года появился наследник, сын Юрий. Темноглазый, черноволосый, он стал отдушиной для отца.

Ночью, когда малыш почему-то плакал, с кровати вставал отец, брал Юрку на руки, ходил по комнате, что-то напевал, и мальчик засыпал.

Вообще наш отец был очень заботливым отцом, следил за здоровьем и учебой детей, при очень скромном заработке старался побаловать их сладостями или игрушками.

Двоих детей родителям, видно, показалось маловато. Где-то в проекте маячил еще один ребенок, уже безразлично, какого пола. Ну, а если уж мальчик... любовь ему была обеспечена еще до рождения. (Я это предчувствовал и решил, что, если суждено родиться, буду мальчиком).

На 10 лет я оказался моложе сестры и на 7 – брата. Долго же собирались с силами отец и мать, и годы-то прошли молодые, но затосковали они еще по одному младенцу, и...

А вот что произошло при моем рождении, надо рассказывать отдельно и «поподробней с этого места».

ПОКОЛЕНИЕ ЧУЛКОВЫХ

Дедушка, бабушка и 5 детей

Вернемся в тридцатые годы к семье Чулковых. Все живут в Улан-Удэ. Дедушка с бабушкой помаленьку стареют. У Валентины, как мы помним, двое ребятишек, но и сестра Людмила не отстает. Вышла она замуж в 1930 году за хорошего слесаря Виктора Жилкина, а вскоре (в 1931 и 1933 годах) родились у них два сына, Игорь и Евгений.

Молодая, чрезвычайно энергичная, настойчивая девушка Раиса Чулкова окончила в г.Горьком финансовый техникум и стала экономистом (и очень хорошим специалистом). На любовном фронте у нее много побед, но замуж она пока не собирается.

Леонид и Анатолий растут ребятами «с золотыми руками», все умеют смастерить, отремонтировать, починить. Анатолий заканчивает кинотехникум и становится любимцем всех детишек местных сел – киномехаником, и крик: «Кино приехало!» сопровождает его кинопередвижку. Леонид посматривает орлом на местных девчат и выбирает, выбирает...

Кинотехникум Анатолий выбрал, ох, как далеко от Бурятии, в центре Советского Союза, в Курской области, старинном городе Льгове. Как водится, была у него девушка Анна (тезка его матери) Мироновна, темноволосая, темноглазая, стройная, симпатичная, очень скромная.

Сколько времени продолжался их роман, мне неизвестно, но закончился он, как полагается в книжных романах, свадьбой, случившейся в 1939 году. Познакомиться с молодой женой и ее родней звал Анатолий своих родственников из Сибири. Все были как-то при деле, а моя решительная матушка, будучи в декретном отпуске, беременная (мною) на седьмом месяце, взяв с собой 6-летнего тогда сына Юрку, отчаянно двинулась из Забайкалья в Курскую область, за 7 с лишним тысяч километров пути. Это – поступок!

Не помню, как я, (неродившийся еще) перенес тяготы путешествия, только к лету 1939-го года мать с Юркой осваивались в Льгове у новых родных. Да, мужественная женщина была моя мама!

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ ЛИСИНЫХ

Что ж, в Льгове было хорошо, подходил срок родить малыша, и родные уговорили-таки мою будущую мамашу воздержаться от длительного вояжа на Дальний Восток. Хотя и моя сестра и брат родились в г.Улан-Удэ (т.е. по рождению азиаты), я стал первым европейцем в семье Лисиных.

Роды прошли нормально, хотя матери уже было 31 с половиной лет, но вот младенец появился весьма шустрый. Почти непрерывно я орал, и очень скоро обнаружилось, что где-то по дороге в белый свет я сумел подхватить дизентерию. Никаких пеленок не хватало, памперсы в то время еще не изобрели, так что забот со мной было в избытке и матери и санитарочкам роддома. Помирать я все же не хотел и умудрился как-то выздороветь. А вот матери не повезло, я, конечно, заразил ее, и теперь она стала беспрерывно мучиться. К тому же, у мамы поднялась температура, и стало ей так плохо, что она не надеялась и выжить. Антибиотиков тогда в стране еще не было, ну, а аспирин – да, наверное, был. Долго ли, коротко ли, не знаю, что именно помогло, но через месяц матери полегчало, и нас выписали из роддома. Еще с месяц мы побыли втроем в Льгове, надвигалась поздняя осень, и мать уже с двумя сыновьями засобиралась в дальнюю дорогу. Сейчас не вспомню, как я перенес путешествие в Сибирь вне материнского живота, но перенес. Все же оба эти утомительные вояжи не очень позитивно повлияли на меня, и рос я ужасно крикливым ребенком. Вот тут уж отец стал по ночам носить меня на руках, иногда по несколько часов, пока я не выбивался из сил, крича. Памятники надо ставить таким отцам!

Осенью 39-го года пошел в школу брат Юрий, а сестра Евгения стала уже чуть не взрослой ... четырехклассницей. Жизнь на рубеже 30-40-х годов что-то мне не запомнилась в Азии, я же, вы помните, европеец!

Ну, а родители все так же проживали в Бурятии. Отец – директор начальной школы, мать – бухгалтер в какой-то организации. Все бы ничего, да вот у отца стала проявляться очень нехорошая болезнь – туберкулез. С лечебными путевками в то время было легко, на службе отец проявлял себя отлично, и путевки ему выделялись довольно часто. Сохранились групповые фотографии с разных курортов и в Бурятии и в Крыму 1937-1940-х годов. После пребывания на очередном курорте отец, конечно, чувствовал себя гораздо лучше, но через некоторое время болезнь вновь обострялась.

Жизнь, тем не менее, продолжалась. Не знаю, какие развлечения были тогда у моих родителей, но об одном из них рассказывала мама.

Природа Забайкалья живописна и насыщена. Не говорю уж о знаменитом озере Байкал (тогда еще кристально чистом) и знаменитом же омуле, изобилующем в то время. Красивы, даже величественны местные сопки, сплошь поросшие деревьями, среди которых весьма много кедра. Ближе к осени появлялись плоды, эти самые вкуснейшие и полезнейшие малюсенькие

кедровые орешки, и местные жители устраивали ореховую охоту. Те, кто занимался этим профессионально, уходили в сопки, оборудовали там почти жилища, добротные шалаши, жили безвылазно и набивали, набивали мешки с чудесным даром сибирского леса. Проблема была в транспорте, частных авто не существовало, и надеяться можно было только на нужное знакомство в госструктурах. Учреждения же, конечно, помогали своим сотрудникам и иногда выделяли транспорт на однодневную поездку в сопки. Не раз ездили на ореховую охоту и мои родители (я, правда, еще не родился).

Ну, вот и уехали однажды сотрудники НарБурятпроса километров за 30 от Улан-Удэ на сбор кедра. Все было, как обычно: и ореха много и перекликались часто, да вот увлеклись, пожадничали, видать, короче, потеряли своих и, сколько ни кричали, голосов не слышали. Сначала и не испугались: найдем, мол, дорогу, не впервой. Да вот, сколько ни шли по сопкам будто бы «туда», все попадали «не туда». Испугались уже основательно, отец стал влезать на деревья, осматриваться вокруг. Ничего, сплошные сопки, сплошная тайга, ни дымка, ни дороги никакой. День уже клонился к вечеру, мать плакала и, вспомнив школьный курс Закона Божьего, молилась, прося Господа о помощи, отец готов был отчаяться. И, видно, не очень грешны были мои родители, Господь услышал призывы матери. Отец увидел с высоты очередного дерева дым то ли костра, то ли жилища человека. По самой кратчайшей дороге, через густой лес бросились туда родители, побросав свои мешки с орехами. На счастье, нашли они жилье геологов, у которых была рация. В общем, вызволили их тогда из беды. Мать с тех пор на ореховую охоту не ездила.

Ну, а дети подрастали, рос и я, плакса, хотя и любимчик, поскребыш, последыш. Не помню ничего довоенного, кроме одного случая. Мне было 2 или 3 года, жили мы где-то в деревне. Была там речка, совсем неглубокая и неширокая, но почему-то через нее была перекинута доска для пешеходов. И вот вижу себя, идущего по этой доске, а соседские ребяташки вокруг кричат: «Смотри, не упади в воду, там полно змей, они насмерть зажалют». И так мне страшно было идти и, конечно, я заревел, и, конечно, они сильно смеялись. Вот и все воспоминания из забайкальского детства.

ВОЙНА

Началась война, отца забрали на фронт (а было ему уже 41 или 42 года), и болен он был

(помните!) туберкулезом, но ведь «Родина в опасности!» Забрали, и теперь он двинулся с Востока на Запад на защиту Отчизны. Вначале – рядовой необученный, затем – командир батареи зенитчиков, двигался он с армией, в основном, отступая. Часто писал матери, волнуясь, переживая за нее и детей. Мать потом всю жизнь хранила эти треугольнички с номером полевой почты. Последнее письмо было из-под Сталинграда. Видно, совсем плохо стало у отца со здоровьем, открылся в военных условиях туберкулез. Хотели отца комиссовать и для начала отправили в плавучий госпиталь, который должен был пройти маршрутом Сталинград – Астрахань – Баку. Так намечалось, а как вышло – один Бог знает. Где, на каком километре войны разбомбили немцы госпитальный транспорт с отцом, никто не ведает. Войсковой канцелярии в то время было не до пропавших без вести. Никто и не искал. Где покоятся бедные кости моего батюшки, мы, родные, не знаем. Матери пришла трафаретная похоронка с извещением, что «Ваш муж, Лисин А.И., пропал без вести».

Вот и все. Пенсия – маленькая, только «за потерю кормильца», льгот – никаких, почета – никакого. Какой там почет, после войны на родственников «пропавших без вести» смотрели почти как на предателей. И чем же они виноваты, что не обнаружили их на поле боя с винтовкой в руках, что был плохой учет погибших? Штабам воинских частей было не до пропавших без вести, убитых-то в боях сосчитали далеко не всех. Это вам не нынешние компьютерные базы данных!

СНОВА ЧУЛКОВЫ

Да, пора вспомнить о большой семье Чулковых, которые стали к началу войны частично Лисиными (мама), Жилкиными (Людмила) и Шляпинными (Раиса). Перед войной нашла свое счастье и неугомонная Раиса. Жених ее нравился всем родным: высокий, симпатичный, большой умница, вежливый, культурный – ну, как такой не понравится? Всем-то он был хорош, да вот большой любви от Раи не дождался. Обещал даже покончить с собой, если она не станет его женой, чем привел в великое замешательство родителей девушки. А ведь каков жених: начал в 30-е годы плавать по Волге обычным матросом, но очень хотел учиться и

поступил-таки в созданный 1930-м году Горьковский институт инженеров водного транспорта, отлично в нем учился и даже стал преподавать в нем через несколько лет после окончания. Родные все же уговорили Раису (как когда-то Валентину) выйти за «интеллигента», и вот у Шляпиных (он – Иван Петрович Шляпин) в 1940 году родился первенец – сын

Раиса и Иван Шляпины

Владимир). Раиса училась и оканчивала финансовый техникум в г.Горьком, там и была свадьба.

Также в 1940-м году родился сын Олег, помните, у «львовского» киномеханика Анатолия Чулкова и его тихой супруги Анны.

Только брат Леонид, хотя и постарше Анатолия на 4 года, все еще холостяковал, но девушек не игнорировал. Ну, о Викторе Жилкине я вспоминал.

И вот пришла военная кручина, и мужчины, один за другим, ушли на фронт. Не вернулся только мой отец, но и в остальных война наделала дырок в теле и незаживающих ран в душе.

Виктор Жилкин совсем ослабел, и через несколько лет, уже в Курске, умер примерно в 35-летнем возрасте.

Иван Петрович Шляпин сразу стал офицером (образование-то высшее!), воевал, конечно же, на флоте, был ранен в ногу, вернулся в звании капитана 2-го ранга (в пехоте это подполковник).

Братьям Чулковым не повезло, оба – на разных фронтах – попали в немецкий плен. И здесь судьбы братьев – разные, но все же Господь пощадил обоих.

Старший, Леонид Чулков, волею высших сил, попал в Чехословакию, в работники к зажиточному чеху. Жизнь у него оказалась не самой плохой: работающий, молодой, здоровый, он попал в милость к хозяину. А еще того лучше – к дочери хозяина, молодой девушке. Полюбили они друг друга, долго шла да все же кончилась война, и пожениться бы им, да куда там! Какая женитьба, Чехословакию «освободили», и пленных русских, конечно, вернули в

СССР. Как избежали советских лагерей оба брата, я не знаю. Знаю только, что долгое время они жили в страхе и неизвестности, могли ведь «забрать» в любое время. Но – Бог милостив!

Совсем недавно от своего брата Юрия узнал я, что и Анатолий Чулков не пропал в немецком плену. Анатолий попал в лагерь, где содержались и французские военнопленные, к которым немцы относились весьма лояльно. Анатолию не составило большого труда освоить французский язык, конечно, на бытовом разговорном уровне. Поскольку Анатолий много чего умел по хозяйству, умел он и починить наручные часы, что и выручило его в плену, обеспечив и заработком и питанием.

Вот так, с золотыми руками и трудолюбием, и в немецком плену русский солдат не пропал!

Ну, а «пропавшие без вести»... Конечно, на самом деле, погибшие, зачастую и с оружием в руках, да вот только не учтенные по разным причинам. По большей части они окончили свою жизнь достойно, им не в чем себя упрекнуть на Страшном суде перед Богом. А вот их родные и близкие... вот кому не повезло! Не знать, где могила (а зачастую никакой могилы, только истлевшие кости в земле без креста) родного, любимого, единственного, надежды и опоры, что для жены, матери, детей может быть горше! И – никаких почестей, наград, льгот.

А детей-то трое на руках у Валентины, и младшему (мне) в 43-м году, когда пришла похоронка, было всего 4 годика, Как тяжело, но и как же **массово** это было!

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ. ИЗ СИБИРИ - В ЕВРОПУ

Спасало мать то, что большая семья Чулковых все же оставалась единой и вместе же бедовала. В Сибири году в 44-м умер основатель семьи Андрей Петрович Чулков, не выдержал военных невзгод. Однако семья уменьшилась ненадолго – в декабре 45-го года появился у Раисы с Иваном второй сын – Вячеслав (сказалось возвращение домой после ранения и излечения в госпитале Ивана Петровича весной 1945-го года). Всю жизнь любила Раиса Андреевна цифры, оканчивающиеся на «5» и «0», и вот даже рождение детей подгадала под них: 1940-й и 1945-й годы!

Неугомонную Раису Андреевну влекло в Европу. Уже в 1943-м году стала она писать в экономические ведомства (министерства, банки), предлагая свои услуги (а она уже в то время считалась хорошим специалистом в области промышленного кредитования). И вот, в конце 1943-го года из Курской областной конторы промбанка пришел ответ, что специалисты очень

нужны, надо организовывать восстановление разрушенного войной хозяйства города и области. Поскольку и мою мать, бухгалтера, (об ее учительстве забудем из скромности) можно, с натяжкой назвать «специалистом», вот два дефицитных кадра были наготове. Раиса активно переписывалась, пересылала и получала разные документы и, наконец, получила «вызов», т.е. специальное разрешение Курского горисполкома по въезду в совсем недавно освобожденный от немцев город после великой Курской битвы. Итак, очередное могучее «переселение народов» громадной семьи Чулковых совершилось в июле 1944-го года. Покинув навсегда Забайкалье, Чулковы – Лисины - Жилкины – Шляпины (правда, своенравная Раиса не захотела менять фамилию и до конца дней своих оставалась Чулковой) отправились в Черноземье. В Бурятии остались родственники отца, мои двоюродные братья и сестры, но связь ними в дальнейшем поддерживала только Раиса Андреевна, самая, как сейчас бы сказали, наша коммуникабельная. Правда, у мамы там осталась хорошая подруга, с прекрасным именем Ольга Ястребова, и вот с ней мама переписывалась практически всю жизнь.

КУРСК. 1944 ГОД

Итак, посчитаем, кто же пополнил население г.Курска летом 1944-го года:

- бабушка, Анна Антоновна Чулкова,
- затем, по старшинству, моя мама, Валентина Андреевна Лисина, со своим выводком из троих детей: Евгения – 15 лет, Юрий – 12 лет, и я, Леонид, которому через месяц исполнится 5 лет,
- теперь - Людмила Андреевна Жилкина с сыновьями Игорем (13 лет), и Евгением (11 лет),

Мама и два сына

- наконец, мотор, двигатель клана Раиса Андреевна Чулкова с сыном Владимиром (4 годика). Сколько насчитали? Да, надо посчитать еще и Виктора Жилкина, уже совершенно больного (и вскоре умершего в Курске). Получается пятеро взрослых и шестеро деток, итого - 11 душ. В декабре 45-го

появилась, как я упоминал, 12-я душа, Славик Шляпин, плод кратковременного отпуска после ранения Ивана Петровича Шляпина. Пора теперь приступить к описанию дома №37 по центральной улице Ленина г.Курска, в котором суждено было провести мне детство и юность. Вообще дома на нашей улице, хоть и центральной, были после войны одноэтажные, а наш дом выделялся, поскольку был высотой два с половиной этажа. С фасада он был двухэтажный, а со двора – даже трехэтажный, поскольку имелась дворовая надстройка, этакий курятник, или, по заграничному, мансарда, всего на две квартиры, куда было нелегко взобраться: вела туда изогнутая лестница с хлипкими перильцами. Видимо, дом когда-то был купеческий либо дворянский, какой-то архитектурный стиль в нем был виден, но нам было не до стилей. А вот что не могло не поражать – высота потолков в 4 метра и громадные фигурные окна (вверху в виде арки). Понятно, что натопить такое помещение, даже малой площади, представлялось почти нереальной задачей. Шикарной была парадная лестница, ведущая на 2-й этаж, с красивыми перилами и гранитными ступенями. Правда, мы гораздо чаще пользовались другой, простой деревянной лестницей, ведущей со 2-го этажа во двор и в подвал. Подвал в

Дом 37 по ул. Ленина

годы войны служил бомбоубежищем, о чем много лет напоминала надпись на стене со стрелкой вниз. В наше время подвал разделили на клетушки, навесили дверки и жители стали хранить там картошку и иные припасы на зиму. На 1-м этаже обосновалась аптека, а со стороны двора была квартира аптекаря. На 2-м этаже большую комнату занимал заслуженный врач, по фамилии Искольдский, который имел, вы представить не можете, **прислугу!** В другом конце 2-го этажа еще одну большую квартиру как раз и занял Курский областной промбанк. Вот какие были времена: областной промбанк помещался в 4-х комнатной квартире! Что ж, полы там были красивые, паркетные, на стенах – так называемый накат (обоев тогда еще не производила наша промышленность), стояли столы, стулья, шкафы сотрудников. Были красивые изразцовые печи, которые прожорливо заглатывали дрова. В коридоре, который вел в

Чулковы и Жилкины с детьми

контору, соорудили две жилых квартиры, одну, маленькую, занимала семья погибшего воина, а в большой, примерно, 22 метра, и поселился табор Чулковых, Лисиных, ну и так далее, вы помните. Наверное, в истории человечества это был редчайший случай, когда служащему до работы надо было пройти всего 4 метра (от двери до двери) и при этом не надевать верхнюю одежду. Орава же наша обживалась в почти пустой (в смысле без всякой мебели) квартире. Коммунальных удобств не было вообще **никаких**. Вот что запомнилось – большая печь. Она стала средоточием жизни семьи. Она давала тепло, пищу, какой-то уют. Конечно, была прожорлива, но дровами и углем обеспечивал промбанк. Ну, и, конечно, невозможно обойтись без описания двора. Если я пока что дожил почти до 70 лет и при этом не превратился в развалину, большая заслуга в этом нашему двору. Ему готов я петь славу!

Двор был замечательный, центр всей детской жизни, наших игр – от обычных прятков до лапты и футбола, а зимой – и попыток хоккея на валенках, коньков-то не было. Двор – источник будущего здоровья, поскольку был немыслим без постоянного движения. Двор, в котором шло мое взросление, двор как отдушина от школьных и семейных неудач, двор, где забывались детские обиды, и притуплялось чувство голода. Да, двор наш был хорош! Замкнутое большое четырехугольное пространство, примерно, 50 на 50 метров, ограниченное с одной стороны – задней частью нашего дома №37, с другой, параллельной ей, складами аптеки и забором, ведущим в контору областного «сахартреста», с третьей – сплошным рядом наших сараев, где содержались дрова, уголь и все то ненужное в хозяйстве, что жаль выкинуть, а еще и хлевом (у Струковых из мансарды были куры и свинья, а у нас – кормилица, спасшая детей от дистрофии, – коза Белка), с четвертой стороны – жилым бараком, домом №35. На всем этом пространстве не было ни веревок для сушки белья, ничего такого, что могло помешать детям играть. Итак, две с половиной тысячи квадратных метров раздолья! Конечно, во всех сторонах имелись проходы, самый главный был и самый дальний и вел он:

а) на помойку – просто яма в земле, обшитая досками, очень часто она переполнялась, зимой обледеневала, а весной из нее начинало течь такое амбре, что лучше не вспоминать,

б) в страшно важное «заведение» - туалетный «скворечник», деревянную конуру с прорезанной дыркой в полу. Яма под ним была весьма глубокой, и я, маленький, очень боялся в нее провалиться и почему-то ясно представлял, что со мной будет в этом случае. «Скворечник» этот был один на три дома - №37,39 и 41, поэтому очень редко пустовал. Летом все бы ничего, но вот зимой! Образовывалась очередь из страждущих и спешащих в это укрытие из разных домов. Очередь приплясывала на морозе, то ли согреваясь, то ли сдерживая позывы из нижней части тела, но кто бы засек скорость, с которой крайний летел в приоткрывшуюся дверь уборной!

Стадион «Динамо» за которым просматривается дом 37

Практически все свободное время я проводил во дворе – и, слава Богу! Чистый воздух (в центре Курска не было промпредприятий) и движение, движение, движение...

Я благодарен нашему двору за то здоровье, которое он заложил во мне с детства. Никаких песочниц, качелек и прочих увеселений для малышей во дворе не было, и мы, ребяташки примерно одного возраста крутились, вертелись, скакали, футболили (помнится, и до 11 вечера, пока мать уже 5-й раз не позовет домой), обсуждали животрепещущие темы, бегали через дорогу – на главный стадион «Динамо», там смотрели, «болели» за «настоящих» футболистов, волейболистов, баскетболистов, хоккеистов и... захватывающее зрелище – гонки на мотоциклах по льду. И – впитывали, впитывали в себя спортивный дух, жажду борьбы, жажду победы в честном поединке.

Да здравствует наш благословенный двор!

Давно исчез он под натиском массы новостроек, да и все наши домишки давно канули в лету. Однако жаль мне современных ребяташек с улицы Ленина, нет у них и в помине такого богатства, такого детского чуда – огромного двора!

АСТРАХАНЬ

Но что-то я забежал вперед. Вернемся же в 1946-й год. Дядю Ваню – Ивана Петровича Шляпина назначили начальником Астраханского речного училища, надо было готовить кадры для оживающей Волги. Нужны были механики, штурманы, а возраст братьев Жилкиных и моих родных брата Юрия и сестры Евгении как раз и подходил под возраст курсантов. И вот тут наша могучая семья в Курске резко уменьшилась. В Астрахань перебрались Иван Петрович с женой Раисой и двумя теперь сыновьями, а также Людмила со своими двумя, наконец, бабушка, Анна Антоновна. Через пару лет туда же двинулись и брат Юрий и сестра Женя. Женя поступила в нефтяной техникум, а все мальчишки, конечно, в речное.

В итоге остались мы с мамой к 1948-му году в Курске вдвоем. Правда, наши жилищные условия изменились. Нашу большую комнату разделили легкой фанерной перегородкой на две махонькие комнатки, и меньшую из них, в 10 кв. метров, отдали маме, тогда еще с тремя детьми, прорубили в стене коридора новую дверь, чтобы не ходить через теперь уже новых жильцов. Вот и остались мы с мамой курянами, а остальные родные стали астраханцами.

Да, вспомним о неудавшемся «чехословаке», Леониде Андреевиче. Ему пошел уже 4-й десяток, надо было определяться с семейной жизнью. Вариант нашелся быстро: в Льгове, у жены его брата, Анатолия, имелась родная сестра, Клавдия Мироновна Лебединская. Она, правда, уже побывала замужем, от брака остался сын Сергей Лебединский, 1933-го года рождения. В общем, сошлись Леонид и Клавдия, поженились, и два родных брата оказались супругами двух родных сестер.

Возвращаемся в Астрахань конца 40-х годов. Иван Петрович успешно директорствует (кстати, его родная сестра, Мария Петровна Шляпина многие годы проработала в АРУ преподавателем русского языка и литературы. Была она очень умной интеллигентной дамой, а потому не смогла выйти замуж ни в 30 – помешала война – ни в 40 лет, ни вообще.

Людмила Андреевна всю оставшуюся трудовую жизнь проработала в училище скромной кастаншей (белье, форма курсантов). О, как она помогла моей бедной маме, которая просто не в состоянии была мне, ребенку, купить новую рубашку или курточку). Сыновья Людмилы Андреевны, Игорь, чуть позже Евгений, конечно, закончили АРУ, а затем трудились на судоремонтных заводах Астрахани, оба продвигались по службе и, надо же, оба стали начальниками деревообделочных цехов, конечно, на разных заводах. Игорь оказался очень общительным человеком, стал постепенно председателем профкома своего предприятия, бывал

и на учебе и на семинарах в Москве, у тети Раи, ну, да я забежал вперед. У каждого из моих двоюродных братьев было по сыну и дочери, но наши жизненные пути редко пересекались (с Игорем – чаще – однажды он заявился ко мне в Горьком в общежитие водного института году в 1960-м, сел играть со мной в шахматы и, какой нахал! вчистую меня обыграл. А я-то уже имел 2-й разряд и считал себя неплохим игроком). И так, Жилкины навсегда стали астраханцами, а вот Шляпины – нет.

В 1950-м году Ивана Петровича перевели в Москву редактором всесоюзного издательства «Речной транспорт». Это весьма солидное учреждение, удовлетворявшее потребности работников водного транспорта в, как сейчас бы сказали, IT-технологии, ну, а если попроще – издание учебников, научных работ, журналов и газет. И на новой работе Иван Петрович прекрасно проявил себя. Попробую нарисовать его портрет с точки зрения работника отдела кадров и ... «органов». Имеет высшее образование, научные работы (на кафедре в водном институте), водник с самых низов (матрос), а далее – фронтовик, капитан 2-го ранга, ранен, имеет боевые ордена и медали, безусловно, член нашей партии. Каков портрет! Но надо добавить сюда интеллигентность, мягкость в обращении с людьми, доброжелательность, никогда никого не «подсиживал», не участвовал ни в каких интригах. Ну, как такой человек может не продвигаться по службе! Он и продвигался. Рамки «Речного транспорта» оказались, видимо, узки для ИП, весь остаток своих дней Иван Петрович служил директором издательства «Высшая школа». Ну, это уже уровень общения с академиками и министром образования СССР.

МОЁ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Пока оставим семейство Шляпиных на новом московском жительство и вернемся в родную семью, в Курск военный и послевоенный.

Воспоминаний в 5-7-летнем возрасте что-то маловато. Помню, что ходил в детсад на нашей же улице Ленина, всего 5 минут ходьбы. Летом детсад выезжал «на дачу» за город, сохранились пара фото. На них я очень напоминаю узника Освенцима, ребра едва не протыкают кожу. В общем, ужасно щупленький мальчуган. А откуда взяться пышности тела? Мама получала на работе очень малые деньги, за отца платили совсем немного, а на руках остались ТРОЕ несмышленьшей. Удивляюсь я, почему простой русской женщине не ставят памятники, да не один, помпезный в Москве, а в каждом месте, где она совершала свой

жизненный подвиг, как моя мать? Не скажу (не помню), что мы голодали. Но никогда и не жили в достатке. А если учесть, что и в магазинах тогда «ничего не было», - попробую перечислить, чего «не было». В магазинах не было, без кавычек, сахару (во дворе нашего дома, тем не менее, был областной сахартрест), конфет, колбасы, мяса, дичи, муки, молока и молочных продуктов, консервов, фруктов. Конечно, спасал рынок, но туда без денег не пойдешь. В детстве я не знал вкуса шоколада и шоколадных конфет (эх, сейчас, при изобилии, стоматологи скажут: вот и хорошо!).

Наступил 1946-й год. Родился я очень удачно, в августе. Как раз к началу школьной поры.

Моя школа

Так что ровно в 7 лет пошел в 1-й класс. Помню, что первый раз в школу меня отвел брат Юрий (у мамы на работе было строго с отлучками). Школа эта была маленькая начальная, №26. Знаменита она впоследствии стала тем, что именно в нее, спустя 8 лет поступил и 7-летний Вова Винокур, ныне знаменитый артист-юморист. Дальше воспоминания о школе такие: зимой очень холодно, учительница – в шубе, чернила стыннут и ... проблемы с моей левой рукой. Родился я левшой (как жаль, что не Лесковским!), и в раннем детстве никаких неудобств по этому поводу не испытывал. А в школе начались проблемы: писать левой рукой запрещалось (а я, конечно, стал пытаться это делать), и меня начали переучивать под правую

руку. Это сейчас такого не делают, а тогда просто привязывали левую руку, ну и как быть? Я хныкал, сопротивлялся, но ... переучили! Тогда были обязательны уроки каллиграфии, но какой же мог получиться хороший почерк в таких муках? Так что в начальной школе я писал «как курица лапой». Запомнилась мне первая учительница, Ирина Владимировна Васильева, строгая, красивая, еще молодая женщина. С мужем она развелась, детей не было, и как-то сошлась она в симпатиях с моей мамой. Вообще подруг у мамы было немного, но зато уж – на всю жизнь! С Ольгой Ястребовой из поселка Иволгинск в Бурятии – ах, какое красивое название! – она переписывалась десятки лет. Вот и с ИВ дружили просто до ее смерти. Да, у Ирины Владимировны было слабое сердце, и умерла она совсем еще не старой.

Но давайте заглянем в 1947-й год, мой 2-й класс школы. Должен сказать, что в наше время нас, детей, так сильно пичкали прививками, что от них не было спасения. За школьную жизнь я получил сотни уколов. От каких только болезней нас не кололи, но помогало это не всегда. Помнится, в детстве основными детскими болезнями я сумел переболеть. Ну, так вот, во 2-м классе сделали мне очередной укол под лопатку, пришел домой, а у меня почему-то заболел живот. Я лег на кровать и лежал до прихода мамы. Она пришла, я сказал, что сделали укол, но болит живот, вот я и лежу. На следующий день она оставила меня дома, и еще через день – то же, но мне становилось все хуже, поднялась высокая температура, и боли в животе стали несносными. Но мама же работала (да, в 1945-м году промбанк перевели из нашего дома в отдельное здание на Красной площади, дом 6 (это здание в народе навсегда вошло, как «шестерка»)), как она уйдет с работы? Так получилось, что на третий день мама уже плюнула на свою работу, завернула меня в какое-то одеяло, взяла на руки (ходить я уже не мог из-за сильной боли) и понесла через весь город в больницу. В больнице быстренько определили приступ аппендицита, положили в палату и стали готовить к операции. Слава Богу, мама снова спасла меня! Аппендицит оказался гнойным, и чудо, что он не прорвался на час-другой раньше. Операцию сделали удачно, помню, под хлороформом я сосчитал всего до цифры «7» и заснул, но вот после операции поднялась температура и стала зашкаливать, сначала за 39*, а потом и за 40*. У меня начался бред (я его до сих пор помню), мама сидела рядом, держала руку на моем лбу, потом побежала искать спасения. Дело в том, что в 40-х годах, недавно совсем, в нашей медицине появился могучий антибиотик под названием пенициллин, но он был очень дорогой. Мама бегала по врачам и ей, как вдове с тремя детьми, сделали большую скидку, и лекарство мне стали давать. В общем, умереть мне снова была не судьба, я и выжил.

Питались мы в 40-х годах очень неважно: я уже говорил, что на детсадовских фотографиях я – худой, да и маленький, как воробушек, но взгляд серьезный, будто я уже прожил жизнь.

Помнится, как-то, году в 49-м, мама отправила меня погостить летом к своему брату Леониду с женой Клавдией – детей у них не было. Вспоминаю ощущения того времени: постоянно хотелось есть, и при «передаче» меня с рук на руки, тетя Клава жаловалась: «Валя, ну, он у тебя ненасытный, мы не в силах его накормить».

В Курске же мама, конечно, по мере сил и средств, старалась накормить меня, особенно когда мы остались вдвоем. На плите или на примусе (кто помнит столь необходимый очаг пищи 40 -50-х годов?), помню, я стоял в очередях за керосином – мама готовила немудреный суп. Ну, и всегда спасала картошечка. Было и еще спасение нашей семьи: коза Белка и ее молоко. Не помню, любил ли я молоко, но козу я не любил. Не только потому, что слушалась она только маму, но, главное, из-за возможного позора в глазах соседских мальчишек. В летнее время коза отправлялась на пастбище. Утром пастух ходил по дворам, собирал подопечных, гнал их на окраину города и дальше, в поле. А вечером я должен был встречать ее у Никитских ворот, у кладбища, рядом с хлебозаводом, откуда доносился изумительно сладкий запах свежего хлеба. Приходил я туда заранее (опоздать было нельзя – куда же она одна-то пойдет?), слонялся по кладбищу, заходил в церквушку (хорошо помню, как однажды какая-то старушка подвела меня к кресту и я его целовал), сбивал плоды каштанов, в общем, ждал. И вот появлялось стадо. Белка меня вообще-то признавала, шла ко мне (а в кармане всегда лежал для этого момента кусок хлеба), но я был в ужасе. Предстояло идти С КОЗОЙ!! с окраины через весь центр города. А вдруг кто меня увидит! Эта мысль холодком бегала по спине, и весь путь я проделывал в большом напряжении. Приводил козу во двор, загонял в сарай, на этом моя миссия заканчивалась.

Не могу не рассказать об одном весьма примечательном событии, связанном не с самой козой, а со временем ее ожидания. Рядом с кладбищем была конечная остановка трамваев, кольцо. Трамваи высаживали пассажиров, шли по кольцу на остановку в обратном направлении. И вот этот путь пустого трамвая по кольцу был лакомством для меня. Я стоял чуть дальше конечной остановки, ждал, пока выйдут люди. Трамвай начинал движение, и я на ходу впрыгивал на открытую площадку и ехал, гордый, до начала обратного движения. Не доезжал до остановки, спрыгивал на ходу и шел ловить очередной трамвай. Все это

скрашивало мое «предкозье» времяпрепровождение. И вот однажды случилось непредвиденное. Все было, как всегда. Я дождался пустого трамвая, он стал набирать ход по кольцу, я прыгнул (наверное, в тысячный раз) на подножку, и ... нога моя с подножки соскользнула, затем обе ноги провалились в пустоту, и я почувствовал, как весь низ тела стремится под колеса трамвая. Руками, правда, я успел схватиться за поручни. И тут мой ангелхранитель, слава Богу, к счастью, дежуривший на моем плече, встрепенулся, вдохнул в меня какую-то сверхсилу. Я подтянулся на руках, вырвал обе ноги из-под колес и тяжело перевалился всем телом на грязную площадку. Я облился потом, дрожали ноги, дрожали руки, я ясно понимал, что несколько секунд назад мог лишиться обеих ног. Тело как будто одеревенело, я не смог сразу выйти из вагона и только когда люди стали садиться в трамвай, я кое-как выполз наружу. С тех пор я перестал прыгать на ходу в трамвай, да и лето близилось к концу.

Курские трамваи 40-х годов

А вообще мама права: коза спасла нас, детей, от полного истощения.

Ну, раз я вспомнил о трамваях, пора рассказать, как они мне надоели в детстве. В то время все маршруты трамваев проходили по центральной улице Ленина, в обоих направлениях. А обе остановки («туда» и «обратно») были точно напротив нашего дома и даже точнее – напротив

нашего огромного окна. Трамваи тогда сильно дребезжали на ходу, а, подъезжая и отъезжая, водитель звонил, предупреждая пассажиров. Сами пассажиры на остановках тоже вели себя шумно, да и с посадкой-высадкой нередко возникали малые и большие скандалы. Все вместе это создавало невообразимый почти постоянный шум, который невозможно было игнорировать. Да ведь вот ко всему человек привыкает. И через несколько лет адаптации мы просто перестали замечать (и слышать!) эту голосистую ярмарку улицы и трезвон трамваев перестал нас раздражать, как будто его не существовало. Помню, кто-то из родных, оставшись у нас на пару дней, удивленно говорил: «Да как вы можете здесь жить и спать?» Мы с мамой только улыбались в ответ.

В конце двора нашего дома, я уже вспоминал, был забор и ворота, ведущие в «сахартрест». За забором был двухэтажный дом этого самого треста. Никогда в жизни (и повзрослев) мы не бывали в этом казенном здании, и чем там занимались люди, я не знаю. Знаю, что в детстве сахара и конфет у нас практически не было. Конфеты – любые! – считались роскошью, а сахара не было в продаже. Сахар и конфеты типа «подушечек» «давали» иногда к праздникам (Новый год, 7 ноября, 1 Мая, День конституции), и это считалось лакомством. Все же дома я помню небольшую сахарницу в буфете. Иногда она наполнялась. Однажды, классе в 4-м, я пришел из школы, что-то пожевал - и так захотелось сладенького. Открыл буфет, достал сахарницу, долго смотрел на нее. Сахарница была почти полной, и это подвигло меня на решительные действия. Присмотревшись внимательно, я обнаружил, что один край ее был чуть выше другого. Конечно, я решил это дело поправить. Взяв маленькую ложечку, я тут же восстановил равновесие. Во рту стало ну так нестерпимо вкусно, так сладко, что я еще внимательнее стал рассматривать сахарницу. Тут явно было заметно, что другой край оказался совсем неровным. Я тут же его подправил. Посмотрел на сахарницу, сахара в ней практически было столько же, что и в начале, ничего не заметно. Воодушевившись столь тонким наблюдением, я подумал, что, если съем еще пару ну таких маленьких ложечек, ничего замечено не будет. И точно, почти ничего не изменилось, ну, так, чуть-чуть. Короче, я так доуравнивался и доугваривал себя, что сахарница оказалась пуста. Тут стыд взял меня за щеки и уши, они стали пунцовыми и горели как от мороза. Мама заметила пропажу не сразу, но, когда заметила, мне стало не сладко. Нет, она никогда меня не била, даже руку не поднимала, но ругать, бывало, ругала. И мне в тот раз досталось «на орехи».

Должен сказать, что в семье Чулковых родителей моей матери (моих дедушку и бабушку) называли на «Вы». Эта традиция передалась и нашей семье Лисиных, и я, и мои брат и сестра всю жизнь называли маму на «Вы». И так произошло почему-то только у нас – ни у Жилкиных, ни у Шляпиных этого не было. В детстве и юности не скажу, что мне это очень нравилось, а вот теперь (ну, что ж, я уже старый человек) считаю, что это совершенно правильно и даже необходимо для создания благоприятной атмосферы в семье. Конечно, родители в таком случае должны соответствовать этому высокому обращению на «Вы».

До отрочества я не знал вкуса шоколадных конфет, тортов, пирожных. Я даже не знал, как выглядят торты и пирожные. О шоколадных конфетах имел представление по ... фантикам. Дело в том, что в школе на переменах у нас были две популярные игры: в перышки (писали тогда только перьями и чернилами) и в фантики. Поэтому высшей доблестью считалось, если кто-то выигрывал несколько фантиков от шоколадных конфет. Я знал, как выглядят и «Мишка косолапый», и «Мишка на севере», и «Белочка», но самих конфет не отведал еще долго. Ну, да может это и к лучшему. Вот сколько сейчас тучных людей! А в то время я совершенно не помню, чтобы кто-то был толстый – ни в родне, ни в соседях. Зато таких понятий, как диабет или диатез, по-моему, вообще не существовало.

В магазинах мало что было из продуктов, а за хлебом надо было стоять долгую очередь. Это я помню хорошо. Матери было некогда, она часто посылала за хлебом меня. Хлеб был тогда только одного сорта, он назывался в обиходе «черный». В «кирпиче» было 2 кг, а в одни руки давали две буханки. Хлебный магазин был через дорогу, почти напротив. Очередь

Булочная, напротив...

приходилось занимать с раннего утра (мама будила). Полусонный плелся я в хвост, занимал за «крайним». Очередь хитро петляла, заворачивала в арку дома, шла по всей длине прохода во двор, поворачивала назад, снова шла по длине прохода и вылезала на улицу. Таким образом, «крайний» оказывался не так далеко от входа в магазин, но сколько же надо было совершить поворотов вместе с очередью! Стояли, конечно, не в затылок друг другу, а по несколько человек в ряду, и чем ближе к заветному входу, это количество в ряду как-то умножалось. К тому же, петляние очереди приводило к разным скандалам, и крики: «Да не было тебя тут!», «Я занимала за той дамой с авоськой, а ты откуда взялась?», ну, и, конечно, похлеще, возникали очень часто. Превосходная школа жизни для подростка! Толпа напирала, и чем ближе к входу в магазин, с разных сторон появлялись неизвестные, которые «стояли, но на минутку отошли». Часто «наблюдать» очередь вызывался кто-то из последних, но зачастую соблазн становился слишком велик, и «наблюдающий» под шумок проникал в магазин. Тогда звали еще кого-нибудь из «крайних», но не всегда удавалось справиться с теми, кто «вот только что отходил». В очереди стояли почти все женщины и дети, зачастую и малые, мужчины были редки, а если и попадались, они-то и пролезали вперед. Кроме того, когда приходила хлебная машина, мужики караулили этот момент, бросались таскать лотки с горячим хлебом и, безусловно, героями проходили без очереди в магазин. Насколько помню, на добывание хлеба приходилось тратить часа два – два с половиной. Да, не знал я вкуса булочек или батонов. По-моему, их тогда и не пекли.

Совершенно не помню детских игрушек, только пистолет, вырезанный из дерева. У девчонок, конечно, были куклы из тряпок, но ведь я-то мальчишка! Когда мне в девятом (!) классе мама купила в подарок детский тир, хорошо помню, за 10 рублей, я был безмерно рад и играл им до окончания школы. А были в этом тире пистолет с пружиной, «стрела» (деревянная палочка с резинкой на конце) и три фигурки зверей. Тигра, льва и леопарда нужно было поставить вертикально, а при удачном попадании они падали в коробку. Это сейчас игрушек невообразимое количество, и у мальчишек имеются целые «автомобильные парки».

Неистребима была в нас страсть к футболу. Хорошо помню, что в конце 40-х годов мы играли «мячом», сделанным из тряпок, и когда у одного мальчика появился настоящий кожаный (на самом-то деле сделанный из кожзаменителя, но для нас он был чисто кожаный) мяч со шнуровкой и камерой внутри, мы до игры брали его в руки, рассматривали, взвешивали в руках, восхищались. Хозяин мяча был года на три моложе нас, но теперь сразу стал

уважаемым пацаном. Насосов для мячей не было. Поэтому, если надо было его подкачать, устраивалась целая церемония: мяч расшнуровывали, вытаскивали «пипку» камеры, развязывали ее, и тут самый могучий из нас яростно вдвухвал в резину воздух, а все щупали мяч, цокали языком и с видом экспертов приговаривали: «Нет, Вадик, давай еще поднажми!». Вадик, красный от напряжения, поднажимал и когда и он и мяч готовы были лопнуть от натуги, мы кричали: «Хорош!», завязывали пипку, прятали ее внутрь мяча и – очень важно! – тщательно шнуровали. Шнуровка делалась из обрезков кожи, и если не постараться при шнуровке, при ударе головой можно было даже получить легкую травму – царапину.

Футбол был любимым развлечением на долгие годы. Потому что был прост и не требовал никакого снаряжения, кроме самого мяча да еще – вот ужас для мамы! – крепких ботинок. Это (ботинки) был кошмар, скандал, слезы. Но футбол не прекращался. Стадион «Динамо» тоже был для нас почти родным домом, но на поле нас не пускали, и детских секций тогда тоже еще не было. Позднее я как-то пристроился (классе в 7-м) в секцию при другом стадионе «Трудовые резервы», который тоже был совсем рядом, в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Там я почему-то быстро получил даже (о, чудо!) настоящую футбольную форму и попытался

Физкультура в парке "Бородино"

сыграть в матче, посвященном какому-то празднику, вот только матч этот сложился для

меня ужасно неудачно: при равном счете я, получив мяч в пяти метрах от ворот, сумел только ковырнуть его носком бутсы и в ворота, конечно, не попал. Раздосадованный тренер тут же заменил меня, отобрал форму и велел издалека обходить этот стадион. Но я не очень переживал, потому что всегда играл из любви к самой игре и не стремился стать профессионалом. К тому же вскоре кто-то сказал, что записывают в шахматный кружок Дома пионеров. Шахматы мне нравились (научился я играть без специального обучения, лишь наблюдая за игрой моих дядей Лени и Анатолия Чулковых), и я тут же побежал записываться, благо и Дом пионеров находился на нашей улице Ленина, через два квартала. Явилось туда нас, мальчишек, как водится, великое множество, но после месяца занятий остались самые упорные. Обучение проходило для меня не очень удачно, играл я средне, и тренер ни разу меня не похвалил. Но дома (слава Богу!) шахматы были, я частенько играл «сам с собой», и почти всегда я у своего «противника» выигрывал. Все же я занимался шахматами несколько лет, больших успехов не снискал, но выполнил таки норму 3-го юношеского разряда и, что самое главное, обрел любовь к шахматам, которую пронес через всю жизнь. Любовь к шахматам и большое уважение к тренеру. О нем стоит поговорить отдельно. Аркадий Иванович Ярославцев имел 1-й разряд, участвовал в первенствах Курской области, без особого, правда, успеха, однако он был одним из сильнейших в Советском Союзе (!) шахматных композиторов, то есть составителей шахматных задач. И вот по шахматной композиции он имел звание мастера спорта и бывал неоднократным призером первенств СССР в области составления задач на мат в 2 и в 3 хода. Еще долго после окончания школы и даже вуза я находил в знаменитом журнале «Шахматы в СССР» задачи с авторством А.Ярославцева (г.Курск). Так что и решение шахматных задач было для меня всегда приятным (зачастую нелегким) занятием благодаря моему учителю, Аркадию Ивановичу Ярославцеву.

Забегая далеко вперед, скажу, что во время моей поездки в Курск по случаю 50-летия окончания школы, я зашел в то самое здание бывшего Дома пионеров, видел расписание шахматного кружка во главе с двумя (!) тренерами, однако никто из них не мог вспомнить, кто такой А.И. Ярославцев. *Sic transit gloria!*

С моим шахматным становлением интересны бытовые подробности. К нам домой иногда заходил знакомый мамы по работе Михаил Филиппович Родионов и всегда предлагал мне сыграть с ним в шахматы. Еще классе в 5-6-м я постоянно ему уступал, отчаянно злился (он не разрешал брать ходы назад), даже плакал. Но в 7-8-м классе, после года занятий в Доме

пионеров, игра у нас с М.Ф. выровнялась, а вот в 9-10-м классах я уже чаще стал его побеждать, явно усилив игру. Проигрывать он не любил, тем более какому-то мальчишке, краснел, даже потел, вытирал лоб платком, досадовал, что вот «только один ход просмотрел», но теперь я уже был неумолим, никаких ходов возвращать не разрешал, и после поражения большой, пожилой, лысый мужчина, прошедший всю войну, едва не плакал, как мальчишка, от обиды.

В школе я учился с переменным успехом. Ну, понятно, что в младших классах, после насильного переучивания с левши на правшу, да зимой, холодеющими руками, я, слава Богу, просто переходил из класса в класс. Дальше, примерно в 4-м классе, помню, плохо усваивал математику, и брат Юрка, полный двоечник по части русского языка, зато хорошист по математике, что-то пытался мне втолковать. Но почему-то лучше всего запомнились мне Юркины подзатыльники, видать, совсем плохо у меня было с цифирью. К тому же, по 8-й класс я учился, как все в СССР, в мужской школе, а там большого значения успехам не придавали. Но вот в 7-м и в 8-м классах что-то изменилось. Предметы стали интереснее, память у меня, не очень скромно скажу, была превосходная, и математика перестала казаться мне чем-то ужасным. И я, если и не полюбил ее, всю оставшуюся жизнь был с ней в хороших отношениях. Конечно, помогло и то, что с детства я полюбил читать и любил сами книги. Книги, даже детские, тогда издавали просто плохо, но, если мне попадалась в руки книга «с рисунками», что было редкостью, я буквально испытывал благоговение, листал страницы, всматривался в шрифт, изучал выходные данные (издательство, год издания, тираж, даже фамилии редактора и корректора казались мне какими-то волшебными). Я любил книгу и относился к ней, как к мудрому другу. Довольно рано я записался в областную библиотеку и нередко ходил туда и на абонемент, и в читальный зал. Да и мама все время приносила домой книги из библиотеки госбанка. Кроме этого, у нас дома были весьма неплохие книги, в том числе и детские. Помню громадные тома издательства «Просвещение» 1949 года: Пушкин, Некрасов, Никитин (почему-то все – поэты) с биографиями и описанием творческого пути. Книг было не очень много – всего одна полка. Почему-то запомнились 6 томов знаменитой эпопеи Анны Антоновской «Великий Моурави». Когда мне было лет 8-9, сестра Евгения иногда спрашивала: «У кого на боевом щите были выбиты слова: «Счастлив тот, у кого за Родину бьется сердце»? Ну, я не знал, а она не спешила с ответом, мол, подрастешь, узнаешь. Да, я подрос, и уже в юности прочел эти самые тома, и узнал, конечно, что слова на щите

принадлежат великому герою Грузии Георгию Саакадзе. Помню, в юности смотрел и кинофильм о Саакадзе.

Компания наша во дворе была не очень многочисленной: четверо ребят да одна-две девчонки. Все мы были примерно одного возраста, лидера среди нас не было, так что власть делить не приходилось. Связаны мы были только свободным от уроков временем. Хотя мало у кого вернулся с войны отец, все же никаких хулиганских выходов мы и в голове не держали.

Классе в 7-8-м появился у нас лидер, который и не стремился верховодить. Это был Борька Булгаков из дома №39. Дело в том, что дворовых компаний у нас было две: наша, 193840 годов рождения, и старшая, 1931-33 годов. А Борька родился как раз посередине, в 1935 году. Старшие, куда входил и мой брат Юрий, не брали Борьку к себе, для нас же он был переросток. Но парень был очень живой, иногда и озорной, и, конечно, удаль свою он показывал нам, мальчикам. Подвигов Бориса в футболе я что-то не запомнил, но один дворовый случай мне врезался в память. Когда нас собиралось во дворе немного, мы играли «в одни ворота». Ставились штанги ворот, то есть обычные кирпичи, мы «делились» на команды. Все это происходило у задней кирпичной стены дома. Там на высоте примерно 3-х метров находилось углубление, ниша, глубиной с метр. Иногда мяч туда попадал, мы брали обломки кирпичей, и после удачного попадания мяч выпрыгивал из ниши, к нашей радости. А однажды мяч так неудачно закатился – в самую глубину, да еще в уголок. Сколько мы ни пытались его оттуда «выбить», он только подпрыгивал от попадания, но оставался на месте. Тогда Борька решился на довольно рискованный шаг. Из окна в коридоре второго этажа он вылез наружу и стал медленно продвигаться к нише, ступая на цыпочках по узенькому бордюрику в стене шириной не больше 5 см. Руками же взяться было не за что, поэтому он лишь касался ими стены. Мы с удивлением (и восхищением) смотрели за ним. Он прошел метра четыре и был уже недалеко от цели, как во дворе появилась соседка Булгаковых, увидела Борьку на стене и закричала: «Борька! Иди скорей домой, мать тебя ищет!» И вот тут Борька совершил героический поступок. Он не стал возвращаться назад (это было бы очень обидно – без мяча!), палкой выковырял злосчастный мяч из ниши и сбросил его на землю. Потом наклонился, взялся руками за бордюр, оттолкнулся ногами от этого же бордюра и, как кошка, спрыгнул на землю. Этот красивый полет я запомнил навсегда.

Как проводили время наши старшие братья, я не знаю, но один случай, связанный как раз с футболом, мне врезался в память. Сначала все же пару слов о семье Булгаковых. У Бориса,

кроме старшего брата Игоря, 1931 года рождения, была и сестра Тамара, 1933 года. Совсем немножко о Тамаре. Город Курск, как множество российских городов, возвышается на холмах. Прямо в городской черте под холмами течет речка Тускарь (о которой упоминал Владимир Маяковский – в рифме: Курска – Тускарь), и которая мне очень запомнилась, но об этом позднее). Если из центра города спуститься к реке (минут за 15) и пройти еще с полкилометра, подойдешь к месту отдыха, называемого «Боева дача», или просто «Боевка». Там стояла вышка для прыжков в воду. Самая высокая площадка была на высоте 10 метров от воды. Однажды, лет в 10, я, расхрабрившись, поднялся на самую верхнюю прыжковую площадку, подполз к краю и посмотрел вниз. Голова сразу закружилась и очень захотелось прыгнуть. Одновременно охватил ужас от высоты: где-то далеко внизу плескалась вода. Я, не поднимаясь от страха на ноги, отполз от страшного места и больше таких «героических» попыток не предпринимал никогда. А однажды летом в какой-то праздник на Боевке были устроены показательные выступления спортсменов, и вот тогда я увидел прыжки Тамары Булгаковой. Надо сказать, что фигура у нее была на зависть подругам. К тому времени она миновала девичий возраст, и все округлые женские прелести у нее очень выделялись под легкой тканью купальника. Взойдя на самый верх вышки, Тамара несколько секунд стояла на площадке, затем разбежалась, оттолкнулась и, раскрывая руки в полете, головой вниз вошла в воду. Это было прекрасное зрелище, соединение спорта и женской красоты.

Речка Тускарь имела большое значение для ребят летом. В хорошую солнечную погоду ходили мы на Боевку купаться и загорать. Ходьбы туда было под горку минут 25. Но ведь назад надо было идти в гору и минут 35. Этот обратный поход уничтожал все хорошее, что было на речке: прохладу от прибрежных деревьев, плескание в реке, попытки ловли раков из их норок. Домой возвращались потные, разгоряченные, и было желание тут же вернуться к речке. Боевка никак не была облагорожена, никаких напитков мы с собой не брали (кроме газировки на улице ничего и не было в продаже), поэтому часто жажда и заставляла нас раньше времени отправляться с реки домой. А однажды идти домой не захотелось, а было очень жарко. Я выбрал, как казалось, чистый уголок водички и попил из речки. Козленочком я, правда, не стал, а вот малярией пришлось переболеть. Гнусная, я вам доложу, болезнь. Перепады от сильной жары до ледяного холода очень изматывают. Да еще эта хина! Кто же придумал такую горечь?!

Вышка для прыжков в воду на Тускари

Тускарь и Боевка памятни еще и тем, как старшие ребята «научили» меня плавать. Меня пригласили покататься в лодке, я с удовольствием туда прыгнул, а на середине речки меня столкнули в воду. Я забарахтался, бил бестолково руками и ногами, но лодка медленно отплывала. Из последних сил я все же «доплыл» до лодки, и меня туда втащили. Вот такое было мое «боевое крещение». Ну, кое-как научился, неширокую Тускарь потом переплывал.

Но вернемся к Игорю Булгакову. Он был из тех, кого обычно ребята называют «профессором». Немногословный, очень серьезный, он был в центре старшей ватаги. Так вот однажды, помню, старшие затеяли сыграть в футбол. Получилось так, что для ровных составов не хватало одного игрока. А тут и подвернулся я, слонявшийся во дворе. И меня – какая честь! – взяли в игру и даже поставили в ворота (в которых я никогда не играл). Счет в игре был равный, когда за какое-то грубое нарушение правил в наши ворота был назначен 11-метровый штрафной удар. Били, конечно, не с 11, а метров с 7, и меня тут же начали жалеть. Брат Юрий вызвался заменить меня в воротах, но разгорелось мое самолюбие, и я сказал, что меняться не буду. Игорь (конечно, он был и судьей игры) сказал: «Ну, пусть попробует», и я остался между штанг. Дальше – разбег, удар низом, и я, вытянувшись в струнку, пытаюсь достать и отбить мяч, но ... роста моего не хватает, мяч проходит впритирку со штангой в ворота. Я от огорчения чуть не заплакал. Но все старшие оценили мой прыжок и одобрительно загудели.

Больше всех восхищался Игорь, он сразу сказал: «Ну, давайте не будем считать этот гол, поощрим Леонида». Гол все же засчитали, но вот эту ободряющую реакцию старшего, по нашим меркам просто взрослого человека, я помню всю жизнь. Игорь Булгаков был лучшим другом моего брата, и эта дружба продолжалась долгие годы.

Еще кое-что о «бытовых удобствах» в Курске. Ну, скажем, все годы, вплоть до расставания со школой, я спал на железной кровати, на которой вместо панцирной сетки были положены обычные доски. Конечно, уже на досках стелили матрац и остальную постель. А вот теперь я доволен: слава Богу, никакого сколиоза у меня не наблюдается.

Поскольку горячую воду можно было получить лишь на плите, в ограниченном количестве, в полный рост вставал вопрос еженедельной помывки в бане. Баня городская была одна, и до нее нужно было ехать на трамвае. Вначале я ездил туда с братом Юрием, потом, конечно, один. Занятие получалось одновременно скучное, необходимое и небезопасное для здоровья. Скучное, потому что всегда надо было стоять в очереди в гардероб, примерно два часа, чтобы сдать верхнюю одежду и получить номерок от шкафчика. А дальше, дальше, ну, абсолютно по Зощенко: раздевшись (уже догола) и направляясь в банное отделение, посетители не знали, куда же приспособить полученный номерок. Пытались привязывать к руке или ноге, (но нужна была веревочка!) или к шайке (но ее могли спереть). Таких смешных коллизий, какие описаны у Михаила Зощенко, не наблюдалось, зато реально бывало, что, тот, кто потерял номерок, дожидался, пока гардеробщик выдаст одежду всем «по номеркам», следил, чтобы кто-то не умыкнул его одежонку, и последним получал свое желанное пальтишко с шапкой. Небезопасное же для здоровья это занятие было потому что, как назло, после бани зачастую приходилось минут 20-30 стоять разгоряченными зимой на морозе в ожидании трамвая, Тут недолго и заболеть. Но, по правде говоря, не припоминаю, чтобы кто-то реально заболел.

НАЦВОПРОС

Хочу повспоминать об одной из опасностей нынешнего подрастающего поколения, особенно в крупных городах. Я говорю о чувстве национального превосходства, о нацизме. Конечно, в наше время не было никаких бритоголовых с их нынешней жестокостью. Мы не знали понятий: «лица кавказской национальности», «эти черные», «хачики» и т.д. и т.п. Да, мы были все из русских семей, но ни дома, ни на улице «национальный вопрос» нас никак не

затронул. Было, правда, одно исключение, значения которого я по молодости лет совершенно не понимал. В доме №41 жил тихий, скромный мальчик, которого как-то странно звали «Изя». Теперь-то я понимаю, что Изя – в сокращении от полного Изекиил, по имени древнего пророка. Я был очень наивен и не соображал, почему ребята никогда не брали Изю в наши игры и даже как-то дразнили его. За что?! Я этого не понимал, попросту приходил к нему домой, помню, мы о чем-то разговаривали и во что-то очень негромкое играли. Так вот на всю жизнь я запомнил темные, красивые глаза Изи – серьезные, взрослые, страдальческие глаза мальчика. В этих глазах отражалась вся вековая скорбь еврейского народа, народа, отовсюду гонимого и, тем не менее, давшего миру великих поэтов, писателей, ученых, теперь вот и экономистов. Никогда я не видел родителей Изи и через несколько лет вообще перестал с ним видеться, очевидно, его семья куда-то переехала.

Было в детстве еще одно соприкосновение с «нацвопросом». Где-то году в 1950-м в нашем доме появилась шумная многочисленная (что-то около 10 детей) семья цыган. Откуда они взялись, никто не знал. Прожили они недолго, с месяц, и потом исчезли навсегда. Поражало, что среди этой орущей черномазой банды неожиданно возникала маленькая белокурая (!!) очень красивая девочка лет 7-8-ми. Как она оказалась среди цыган? Взрослые соседи шептались: «Девочку украли», но вслух об этом не заговаривали.

Затем в школе, конечно, были у нас украинцы (Украина-то рядом!), но никогда я не слышал ни «кацапа» - от них, ни «хохла» - от нас. Говорили-то мы все на русском, ну, а мягкое «г» - это местный диалект.

УЖАСЫ ДЕТСТВА

Рос я довольно впечатлительным ребенком. Конечно, это и от детских воспоминаний, но большую роль сыграли прочитанные книги (об этом, правда, позднее). А сейчас не могу не вспомнить об одном потрясшем меня случае.

Было мне лет 13. Кроме двух больших «настоящих» стадионов (рядом с домом - «Динамо» и «Трудовые резервы»), в конце улицы Ленина был и маленький стадиончик «Юных пионеров». Не знаю, зачем я туда забрел однажды летом, но вот попал же. Я вошел в ворота, подошел к футбольному полю и в конце его увидел группу ребят, может, чуть постарше меня. Видимо, они пришли сюда специально свести счеты с одним пацаном. Они что-то кричали ему оскорбительное, а он сначала пытался им отвечать. Они, распаяясь, кричали все громче, и вот

один из «обвинителей» подошел вплотную и ударил мальчишку. Тот удержался на ногах. И сразу несколько маленьких негодяев набросились на провинившегося и стали бить его руками. Он упал, и тут пришла очередь избиения ногами. Мальчишка уже не кричал и не оправдывался. Это продолжалось недолго, всего минуты 2 – 3, но я этого никогда не забуду. Я стоял, потрясенный, и не мог сдвинуться с места. Наконец, я очнулся и побежал домой. Меня трясло, как от холода, зубы стучали, я не мог прийти в себя. Все удары, обрушенные на мальчишку, я «принимал» на себя, и тело долго болело, как от побоев. Вот когда я убедился, что такое жестокая толпа и как мал и ничтожен один человек против озверелых существ.

Ну, а насчет влияния прочитанных книг, что ж, воображение мое работало хорошо. И когда мы по школьной программе «подошли» к Николаю Гоголю, я очень живо воспринял вроде и не так уж страшное «Заколдованное место». Ну, а когда дошла очередь до «Страшной мести», «Майской ночи», наконец, ужас ужасов, «Вия» - все это потрясло мое детское сознание. Сейчас трудно поверить, но ведь это было наяву: в зимний пасмурный день, возвращаясь из школы, я мог час простоять у входа в наш дом, не решаясь войти в вечно темный подъезд с крутой лестницей. Что-то страшное чудилось мне в темноте подъезда, и все фантазмагорические герои гениального Николая Васильевича прыгали передо мной, не давая пройти домой. Выхода оставалось два: дожидаться, что кто-то из соседей пойдет домой и присоединиться к нему, конечно, не подавая вида озабоченности. Либо, преодолев максимальный порог страха, ринуться все же в крошечную тьму подъезда, одним махом взлететь на второй этаж, ну, а там уж родной коридор и наша обшарпанная, такая милая сейчас дверь. Много лет спустя, в гостях у нашей гостеприимной московской тети Раи я узнал истоки моего страха перед темнотой. Слегка навеселе тетя Рая сказала мне как-то за столом: «А знаешь, Ленька, ты был такой крикливый в детстве, что хоть уши затыкай. А Женька (моя старшая и очень любимая позднее сестра) не выдерживала, хватала тебя и выбрасывала в темный чулан». В чулане меня не было слышно, к тому же я, изоравшись, засыпал. Чему ж удивляться, если потом, в юности я не выносил темноты.

Но, кроме темноты, существовали у меня и иные страхи. Как-то летом я днем был один дома. Вдруг (ох, уж это «вдруг!») в дверь нашу кто-то постучал. Стук явно был не мамин и не кого-то из ребят, а совершенно незнакомый резкий, настойчивый. Почему-то я испугался (это лет в 13), на цыпочках подошел к двери, тихонько влез на табуретку и выглянул в стекло над дверью. Снаружи я увидел двух совершенно незнакомых людей, снова стучавших в дверь.

Люди были прилично одеты и (это я сейчас понимаю) не должны бы вызывать негативных эмоций. Но их настойчивость, видимо, очень испугала меня. Я почему-то решил, что это воры, поэтому надо что-то предпринимать. Я тихо слез с табуретки, зашел в комнату и стал стучать в стену к соседке Крысиной, неприветливой, нелюбимой нами с мамой. Конечно же, телефона у нас не было, а мобильники появятся вообще еще через 50 лет. Крысина, я знал, была дома, но на мой стук не отвечала. Я подошел к окну и взглянул на балкон соседки. Ее там не было. Мне стало совсем страшно, и я не придумал ничего лучшего, как взять молоток и начать стучать им в стену Крысиной. Видимо, соседка не могла придти в себя от такого звука, но я не переставал стучать и уже выдолбил в стене видимое углубление. Тут и Крысина опомнилась и стала подавать признаки жизни, стуча уже со своей стороны. В общем, я не сумел пробить окончательную дыру в стене. К тому же чужой стук в нашу дверь, наконец, прекратился. Я снова залез на табуретку и увидел, что непрошенных гостей нет. Тут я схватил тряпку и стал затирать следы своей атаки на штукатурку. Потом, конечно, пришлось это место заляпывать раствором.

Вот такие фобии преследовали меня в детстве.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Ну, а теперь о чем-нибудь более благоприятном из детства. Развлечений, кроме дворовых игр, у нас было немного. Одно из них - зимнее катание с гор на лыжах. Минутах в десяти ходьбы от нашего дома есть место, называемое в просторечии «Дружинка». Это несколько холмов, которые зимой превращались в праздник для детворы. Сюда шли дети разного возраста с одним желанием: лихо скатиться с горы, не сломав при этом ни лыж, ни шеи. Лыжи наши были совершенно примитивные, просто доски, очень короткие; крепление – простой ремешок, в который вдевался, конечно же, валенок, ну, и деревянные палки. Не счесть падений, которые пришлось пережить, но, удивительное дело, не сломав ни разу ни рук, ни ног, ни лыж. Вот только если упадешь на середине горы (довольно высокой) и лыжа, а то и обе, слетят с ног, потом полгоры спускаешься в долину в поисках ускользнувших лыж, а затем, конечно, пешком поднимаешься в гору, чтобы снова с нее скатиться. Ребята устраивали простенькие трамплины. С маленьких съезжал и я, с больших – дети постарше и похрабрее.

Было еще одно зимнее развлечение, настоящий праздник. В конце главной площади Курска, Красной, находится городской парк им. 1-го Мая. В просторечии – первомайский сад.

В декабре каждого года сад преобразался, на его аллеях вырастал праздничный предновогодний городок. В многочисленных «палатках» продавались новогодние товары: игрушки, хлопушки, мишура, бусы и прочее. Все палатки и аллеи были ярко освещены, звучала бодрая музыка, и вокруг царило ощущение праздника и будущих сбывшихся надежд.

Вход в парк им. 1 Мая

После серой, будничной жизни этот веселый город, конечно, привлекал нас, детей. Я ждал, не мог дождаться, когда, придя из школы, побегу снова в это чудо сверкания, огня, музыки. Никаких денег у нас не было, купить мы ничего не могли, но простое созерцание праздничности, царившей вокруг, привлекало нас и во все дни школьных каникул. Этот бесплатный детский праздник мне дороже более поздних дорогих увеселений.

Конечно, тут надо вспомнить еще об одном, пожалуй, главном развлечении нашего послевоенного детства и отрочества. Это – кино!

Поскольку телевизоров тогда не было вообще, кино занимало главное после футбола место в нашем досуге. Два кинотеатра находились по соседству с нашим домом, и мы всегда были в курсе, что «идет» сегодня и что «пойдет» на следующей неделе. Главным тогда был к/т «Комсомолец», поменьше – «Смена», в соседнем переулке. Конечно, мы считали «Комсомолец» своим, ну, а «Смену» - так, второго сорта. Был еще к/т им. Щепкина, но до него надо было ехать на трамвае остановок шесть, практически мы туда не попадали. Но однажды

как раз к/т Щепкина стал для нас очень желанным. Дело в том, что в конце 40-х годов в СССР стали показывать некоторые мировые киношедевры 30-х годов, «взятые в качестве трофея советскими войсками в Германии». Среди них были и знаменитые 4 серии о Тарзане. Эти фильмы сразу стали вызывать усиленный интерес, некоторые ребята после просмотра пытались убежать в лес, их, конечно, ловили и возвращали домой. Ажиотаж с показом фильмов о Тарзане был так велик, что власти, опасаясь беспорядков, не стали показывать картины в центре города, а отдали на откуп в к/т Щепкина. Трамваи, идущие в сторону Щепкина, были переполнены, очереди в кассу огромные. Мы, дети, конечно, проникали на дневные сеансы, и именно «Тарзана» я смотрел стоя, прижавшись спиной к стене зала и совершенно не замечая никакого неудобства. Насколько помню, больше в к/т Щепкина я и не бывал.

Рядом с первомайским садом высилось полуразрушенное здание громадного Знаменского собора. Много лет оно было «памятником» прошедшей Курской битвы и безбожной советской власти. Но в 50-х годах у отцов города и до него дошли руки. Здание восстановили, убрав, естественно, все, что относилось к религии, и оборудовали там кинотеатр, названный, ну, как же еще, конечно, «Октябрь». Так город Курск получил новый современный широкоформатный двухзальный кинотеатр. Билеты туда стоили подороже нашего «Комсомольца», но удовольствие стоило того.

Где-то в 90-х годах XX века величественное здание Знаменского собора с громадным куполом было возвращено Курской православной епархии, и с тех пор это действующий храм, принимающий тысячи верующих. От этого храма организуется крестный ход до одной из самых знаменитых святынь русской православной церкви – до Курской коренной пустыни (примерно, 30 км).

Послевоенный «Октябрь»

Окном в большой мир, источником духовной, политической, музыкальной, театральной жизни в детстве был небольшой черный круг толстой парафиновой бумаги, прикрепленной к металлической скобе. Скобу можно было повесить на стену или поставить на полку. Называлось это чудо техники – радиорепродуктор, и он тогда заменял нынешние: телевизор, компьютер, видеомэгнитофон, ауди- и

DVD- проигрыватели да и все то, что сейчас записывается на дисках разных систем. Из этого черного вогнутого круга звучало все: политические новости, детские передачи (ежедневно – утренняя «Пионерская зорька»), театральные спектакли и музыка, в основном, песни советских композиторов, а по праздникам бравурные марши. Я был внимательным слушателем, вспоминается и сейчас передача о юннатах с милой, простенькой песней-заставкой:

«У дороги чибис, у дороги чибис,
Он кричит, волнуется, чудак,-
Ах, скажите, чьи вы, ах, скажите, чьи вы,
И зачем, зачем идете вы сюда?»

Любимой была и передача «Клуб знаменитых капитанов» со своей заставкой:

«В шорохе мышинном,
В скрипе половиц
Медленно и чинно
Сходим со страниц,
.....
Все мы капитаны,
Каждый знаменит.

Помнится, перед Днем Победы, году в 1948-м, в областную радиостудию был приглашен хор мужской школы №1, в котором участвовал и мой брат Юрий. Мы с мамой знали, в какое время по радио прозвучит известнейшая тогда песня:

«Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь, огонь!» и все

вслушивались, может, узнаем голос нашего Юрки, наивные.

СОВМЕСТНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Ну, вот, подобрался я к одному из главных моментов юношеской жизни, окончанию средней школы, вернее, ее последних двух классов, 9-го и 10-го.

Лето 1954 года было волнительным для курских ребят. На самом верху, в Москве, было решено покончить с отдельным обучением детей, и с осени 54-го года объединить в школах мальчиков и девочек. Это был сильный удар для нас, мальчишек. Нам, привыкшим к мужской вольнице, расхлябанности, очень средненькой успеваемости и довольно свободному поведению, трудно было даже представить, что теперь вместо родной школы №5 надо будет идти в неизвестную и заранее нелюбимую девчачью школу №6! Неизвестность всегда пугает, а тут эти – в платьицах с белыми передничками и бантами в волосах. У нас-то никакой формы сроду не было, одевались мы в зависимости от достатка родителей. Помню, умолял и я маму сходить в горно, попросить оставить меня в «своей» мужской школе. Пусть эти фифочки придут к нам, хозяевам школы, а не мы – к ним. Конечно, мама никуда не ходила, и 1 сентября пришлось искать дорогу в новую школу. Она, как и старая, была очень недалеко, минут 5-6 ходьбы. К тому же это было весьма солидное 4-х-этажное здание, не то что двухэтажная «наша» мужская. Определили нас по классам, мы попали на 4-й этаж. Стали нас рассаживать с этими чужими девицами, которые откровенно рассматривали ребят, как неизвестных науке существ. Конечно, посадили за каждую парту мальчика с девочкой, конечно, после первого же урока мы отсели от девчонок. Ну, что ж, примерно, первая четверть 9-го класса ушла на «притирание», а со второй – особых неудобств от присутствия девчонок мы уже не испытывали. Девчонки учились лучше нас, ребят, и их часто «прикрепляли» к отстающим для выправления общей успеваемости. Ко мне, правда, это не относилось, учился я хорошо, и, если что мне мешало, так это отвлечение на дворовые игры. В 10-м классе был еще личный конфликт с молодой «англичанкой», и оценки в журнале имелись у меня такие: 55151515. Единица – не потому, что я не знал урока, а просто «принципиально» отказывался отвечать. Все же в итоге с учительницей было заключено перемирие, и оценка по English – «отлично».

Совместное обучение все же, полагаю, многое мне дало в духовном развитии. Исконные

мягкость, одухотворенность, заложенная

Творцом в женском организме, смиряли буйный нрав

некоторых удалцов. К тому же мы вступили в возраст, когда на девочек поглядывают с определенным интересом.

Я же, в силу специфики своей семьи

После демонстрации

(десять лет, и только с мамой вдвоем), как-то долго не ощущал предназначенности мужскому племени. Во дворе нашем пара ровесниц были простыми товарищами по играм и разговорам. Когда лет в 16, я увидел во время обычного разговора, что соседский мальчишка Владька Волобуев уже давно положил руку на плечо и приобнял нашу соседку, изумлению моему не было предела. И ведь она не сбросила руку Владьки, будто и не замечала ее! Я был просто ошарашен, ушел домой, и все маячила передо мной эта Владькина рука и плечо Людки.

Вот такое целомудрие существовало в городе Курске в 1955-м году от Рождества Христова. Ну, а школьная жизнь заставила ощутить присутствие белых передничков, воротничков и красиво завязанных бантов. Начались школьные «вечера» с танцами под радиолу, обучение вальсированию, попеременно: в школе с полненькой, поглядывающей на меня с несомненным вниманием, Лариской Каменево́й, дома – с табуреткой в качестве партнерши. Девчонки, наши круглые отличницы, Оксана Любченко и Люда Балакшина, как-то пару раз давали нам пригласительные билеты в Курское суворовское училище. Это было что-то!

Громадный, начищенный до блеска паркетный зал училища, духовой оркестр из своих воспитанников, нарядные, неузнаваемые наши одноклассницы. Суворовцы, в отутюженной форме, сверкающих ботиночках, с поклоном приглашающие девочек на танец. А в углу – наша братия, в разномастных, едва ли не грязных одеждах, в ботинках, только что оторванных от футбольной баталии, с непокорными вихрами на голове. Это была пропасть, пропасть, отделяющая мир симпатичных, ухоженных воспитанников от нас, детей улицы.

И сейчас, через 50 с лишним лет, не понимаю, зачем нужно было нашим красавицам давать нам приглашения: чтобы убедиться в контрасте школы и училища? Да, в мое время суворовцам завидовали. Жили они на полном гособеспечении, и вот еще симпатичные девочки приходили к ним в гости.

Мама хотела отдать меня в суворовское, но после войны туда брали только круглых сирот.

ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ

Ну, а в школе случилось то, что и должно было случиться: я заболел. Заболел первой, неповторимой школьной любовью, и женские образы сузились для меня – до одного милого

лица, моей одноклассницы, Светланы Федцовой. Моя мама по работе как-то пересекалась с отцом Светы (он был строителем) и иногда спрашивала с хитрецей: «Ну, как у тебя со Светланой?» А у меня было несладко, любовь случилась безответной. Мне казалось, что Света благосклонна к однокласснику, Владику Первухину. Первухин, высокий, симпатичный парень из довольно обеспеченной семьи, тоже не обходил вниманием Федцову. Конечно, я переживал, можно сказать, страдал. Любовь была чрезвычайно целомудренной, я даже в мечтах не думал о поцелуях. Большим удовольствием, почти счастьем, было пригласить мою пассию на школьный танец и просто дотронуться до нее. Однако она не всегда приходила на эти вечера, да и бывали они весьма редки.

В 10-м классе Светлана заболела, отстала в учебе и уже к ней «прикрепили» отличницу Люду Балакшину. Люда была девочкой чрезвычайно организованной, строгой, старостой класса. А вот «прикрепление» сыграло с Людмилой негативную роль, и весьма значительную. Ей пришлось очень рано вставать, после школы бежать к Светлане, заниматься с ней, потом идти домой, делать (отлично!) свои уроки и помогать маме по хозяйству. Ритм жизни получился напряженным, и организм не выдержал: Люда простудилась и заболела туберкулезом. И настолько серьезно, что пришлось ее освободить от выпускных экзаменов и – круглую отличницу – оставлять «на второй год». Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Что ж, Людмила проявила железный характер, одолела страшную болезнь и на следующий год блестяще сдала экзамены за 10-й класс и получила заслуженную золотую медаль. Подруга же Люды Оксана Любченко вовремя стала золотой медалисткой. Затем они обе закончили Курский мединститут. Сейчас – синхронно! – обе имеют звание «Заслуженный врач России». Одна, Людмила, ведущий специалист УЗИ в Курской области, другая, Оксана, заведующая клиникой, психолог в С.Петербурге. А Светлана больших успехов в науке не добилась. Институт не закончила, пошла работать на завод, да так и трудилась там до пенсии. Довольно скоро после школы вышла замуж (муж - гораздо старше ее), родила сына. На первых двух курсах своего института я еще переписывался со Светланой, но после ее замужества переписка, понятно, прекратилась.

В 9-м классе появились у меня два друга, оба Виктора, Никулин и Разомаскин. Витя Никулин жил в семье с деревенским укладом, в которой все было по-простому. С неба звезд он не хватал, учился, в основном, на четверки. И именно в этом непримечательном парне к 10-му классу проснулся шахматный талант. Я в это же время пытался одолеть норматив 4-й

категории, а Витя Никулин двигался гораздо быстрее: 3-й, затем 2-й и, наконец, 1-й разряд по шахматам. К сожалению, не знаю, как сложилась судьба В. Никулина, печально, что он рано ушел из жизни.

Второй Виктор, Разомаскин, был ужасно неуспевающим. Неуспевающим он становился тогда, когда не успевал списать домашнее задание у кого-нибудь из одноклассников. В общем, тут шла борьба между двойкой и тройкой по любому предмету. Виктор был старше нас всех на 3 года, и мы 17-летние казались ему, 20-летнему верзиле, просто мальчишками. Дело в том, что Разомаскин родился в 1936 году, учебе помешала война, и в 1-й класс вместо 1943-го он пошел лишь в 1946-м. Оба Виктора были просты, незаносчивы, верны в дружбе, с ними было легко и спокойно. Разомаскин, в силу своего возраста, уже целовался и обнимался с девушками, а мы, юные, пока еще дома вальсировали с табуретками. Разомаскин очень неплохо играл в футбол. Он пристроился в секцию на стадион «Трудовые резервы» и, в отличие от меня, успешно там занимался. Запомнилось, что летом 1956-го года в Курске проходили зональные юношеские соревнования по футболу на первенство СССР. Событие для небольшого города значительное, ведь к нам приехали сборные команды Белоруссии, Литвы, Грузии. По положению о соревновании в нем могли участвовать юноши до 18 лет. Хотя нашему Витюше уже исполнилось 20 лет и ростом он выделялся среди 17-летних, мандатная комиссия закрыла на это глаза, ведь Курск выступал вне конкурса. Очень техничной была грузинская команда, а в ней выделялся правый крайний нападения. И вот именно его и пришлось «держать» левому защитнику курской команды В.Разомаскину. Было Виктору очень нелегко, Курск проиграл, но Разомаскин, в общем, с задачей справился, хотя после игры его футболку можно было выжимать от пота. Я, конечно, был на стадионе и, как мог, поддерживал друга. Потом занятие футболом как-то заглохло, и Виктор Разомаскин не вышел в большие спортсмены. Зато он устроился на завод и в итоге стал отличным слесарем, «висел» на Доске

Почета и вообще всегда был уважаемым человеком.

В это трудно поверить, однако при большом желании можно сделать то, что удалось мне (идея) и Люде

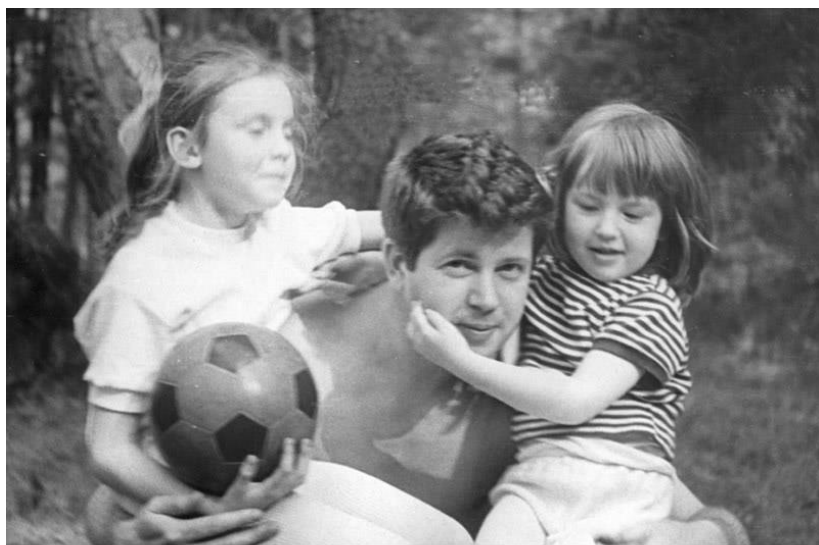
10-А класс

организовать встречу одноклассников через 50 (!!!) лет после окончания школы Да, в сентябре 2006 года такая встреча состоялась в нашей школе №6 г.Курска. Не сразу можно было узнать в грузных, убеленных сединами, пожилых людях бывших озорных, быстрых ребят и милых девушек. Первое, что сказала моя школьная любовь: «Осторожно, мой вес – 97 килограммов!». Комментарии – излишни.

Несмотря на чередующиеся мои успехи и неудачи в школе, экзамены переводные, начиная с четвертого класса, я сдавал успешно. В 8-м (еще мужском) и в 9-м классах получил на переводных экзаменах только пятерки. Так что и к выпускным экзаменам я подошел в неплохой «форме». Снова все экзамены сдал на отлично, но в аттестат зрелости прошла одна четверка (по русскому языку), поэтому и медаль у меня попроще, лишь серебряная. Дальше встал выбор профессии. Я, абсолютно наивный по жизни, без мужского трудового воспитания, не имел понятия, куда пойти учиться. Насчет высшего образования вопрос не стоял. Мама очень хотела, чтобы ее последний, любимый сын, получил высшее. Ведь и дочь Евгения, и сын Юрий имели «только» среднее специальное, уж так сложилась жизнь. Курский горком комсомола (а я был комсоргом класса, правда, совершенно не активным) формировал желающих учиться в Московском текстильном институте, чтобы подготовить кадры для строящегося большого трикотажного комбината. Я уже почти собрался туда, но мама к тому времени написала письмо Сергею Лебединскому, тогда уже перешедшему на 4-й курс Горьковского института инженеров водного транспорта (ГИИВТ). Сергей, мой почти двоюродный брат, к тому времени окончил с отличием Астраханское речное училище (кузницу кадров подрастающего поколения нашей могучей семьи) и прекрасно учился в ГИИВТе. Ему все нравилось: и учебный процесс, и жилье в общежитии в центре города в пяти минутах ходьбы от института, и сама будущая профессия. Так он маме и написал. И судьба моя была решена. Вместо учебы в столице и возвращения затем в родные пенаты я попал навсегда на Нижегородчину, впрочем, тогда еще «Горьковчину».

В 1956-м году еще было правило поступления в вузы с медалями (любыми) без экзаменов, поэтому мы с мамой только отправили документы и ждали лишь вызова из института. Вызов пришел в августе, и настало время расставания с малой родиной: Курском, школой и мамой. Во время учебы я еще не раз бывал в родном городе, однако затем связь прервалась: мама в 1971-м году переехала к дочери в Краснодар, а у меня уже была своя семья: любимая жена Зайка и две очаровательные дочурки – Аленка (1965 года) и Наташа (1970 года). Посмотрите

на года рождения моих дочерей: разве я не последователь тети Раи? Конечно, в плане пристрастия к круглым цифрам.

Леонид Лисин с дочерьми

ТЁТЯ РАЯ

Вспомним теперь о незабываемой РАИСЕ АНДРЕЕВНЕ ЧУЛКОВОЙ, любимой всеми тете Рае. Расстались мы на том, что в 1950-м году Иван Петрович Шляпин получил назначение в Москву. Дядя Ваня со своей семьей: женой Раисой, двумя сыновьями, Володей и

Славой, и тещей, моей бабушкой Анной Антоновной - переехали в столицу и до конца жизни стали москвичами. Володе было 10 лет, Славику – 5 годиков. Поселились они где-то на окраине, но вскоре дяде Ване дали новое жилье рядом со Смоленской площадью и нынешним Кутузовским проспектом, в переулке, называвшемся Прямым. Дом был довольно высок по тем временам: пять этажей, четыре подъезда, и это жилище на долгие годы стало центром притяжения многочисленных ближних и дальних родственников громадной семьи Чулковых, а также и хороших знакомых (по командировкам) тети Раи. Раиса Андреевна обладала большим обаянием, была умна, очень ценилась на работе в Стройбанке, для родных и близких была гостеприимна и хлебосольна. Довольно быстро из рядового работника она выросла в отличного специалиста, стала старшим кредитным инспектором, работала государственным ревизором, хотя и не имела высшего образования. Уже в 60-е годы Р.А. Чулкову посылали с ревизиями практически только в республиканские конторы Стройбанка (столицы нынешних суверенных государств Прибалтики, Украины, Молдавии, Закавказья). И отовсюду наша тетя Рая привозила вкусные припасы. Встреча тети Раи на ж/д вокзале (она никогда не летала) выливалась в обязательную торжественную церемонию, причем нужны были мужские руки, а лучше – две пары рук. Ехала она обычно в мягком вагоне, зачастую одна. И надо было видеть это огромное количество сумок, пакетов, сеток, наборов вина, которые встречающие выгружали из просторов мягкого отдельного купе. Все это богатство загружалось в такси и доставлялось к дому. Но ошибется тот, кто подумает, что все это пиршество будет съедено и

выпито в связи с приездом. Ничего подобного! Все великолепие тщательно сортировалось, и то, что могло долго храниться, перекочевывало на балкон, ставилось в холодильник и терпеливо ждало очередного советского или семейного праздника. На праздники же приглашались ВСЕ родственники со всех концов Советского Союза. Те, кто только мог, появлялись на 4-м этаже Прямого переулка. Вот тогда почти все и доставалось из укромных мест и появлялось на праздничном столе. Советских праздников было довольно много, надо еще добавить юбилеи родных, так что застолья у тети Раи были нередки. Да, конечно, тетя Рая любила выпить, умела заставить выпить и других, но, вот ведь, разума не теряла, а жизненный стержень в ней был заложен столь мощный, что позволил ей прожить на белом свете 90 лет! Именно с тетей Раей связан мой первый опыт познания спиртного (конечно, в Курске я не знал вкуса ничего крепче крем-сода по большим праздникам). Сестра моя Евгения обживалась тогда в Краснодаре. Так получилось, что году в 1955-м у нее там собрались мы с мамой и тетя Рая. В выходные дни работники краевого управления Главнефтеснаба, где трудилась Женя, летом выезжали «на море». Дорога к морю была неблизкой, около 200 км зачастую горных серпантинных, от которых с непривычки кружилась голова. Поехали и мы с сотрудниками на открытой грузовой машине с лавочками для сиденья (простые были правила перевозки людей в 50-е годы!). Добравшись до места (это была Джубга), расположившись, конечно, стали это событие «отмечать». Отлично помню, что это был местный Рислинг, слабенькое дешевое столовое вино. Налили всем, я отказывался, но тетя Рая настояла: «Да это же почти море!». Ну, выпил я, наверное, граммов 150, не больше. Потом купались в море, были все время на солнце, и часа через три стало мне ужасно плохо. Тени нигде не было, я заполз под машину и нестойко там умирал, постанывая. Мама перепугалась, тетя Рая и тогда и потом лет двадцать смеялась надо мной: «Надо же, от Рислинга свалился!», Женя повязала мне на голову свой платок, мама положила мою голову к себе на колени, а я не надеялся увидеть больше родной дом. Конечно, случилось все это не от вина, а от настоящего солнечного удара, но вот так совпало. Дорогу назад в Краснодар помню, но вспоминаю ее с ужасом, и серпантин меня доконал. Меня стало страшно тошнить, просто выворачивало наизнанку. Наверное, я испортил отдых сослуживцам сестры, но зато отвращение к употреблению вина у меня сохранилось надолго.

Раиса Чулкова

Вот и в застолья в Москве тетя Рая частенько заставляла выпить, то есть «поддержать компанию». Был у нее безотказный тост, не поддержать который имели право лишь те, кто был старше ее, то есть моя мама да тетя Люся. Все же племянники, племянницы, а затем их жены, мужья не могли отказаться от железного тоста тети Раи. Это был простой и неумолимый тост, завершающий застолье: «Леня! (Юра! Женя! Игорь! и т.д. и т.п.) ты же не откажешься выпить за мое здоровье?!» Хотел бы я посмотреть на того, кто бы смог при этом отказаться! Нет, «посошок» - это само собой

(для отъезжающих, отплывающих,

отлетающих), а вот «за здоровье» любимой

тетушки не выпить было ну никак нельзя. При всем этом тетя Рая была совершенно безупречна на работе, высоко ценилась, как профессионал, работала очень долго, будучи давно на пенсии.

Ну, а все застолья это ведь во внерабочее время и свойство русского характера.

Ну, «раз пошла такая пьянка», вернее, разговоры о ней, придется вспомнить еще один, весьма позорный эпизод моего алкогольного «воспитания». В 1957-м году, когда я был на 2-м, а мой двоюродный брат Володя – на 1-м курсе ГИИВТа, в Горький с ревизией приехала тетя Рая (Вовкина мама). Конечно, она выпросила у начальства эту командировку: надо было посмотреть, как живет сын, а заодно – и племянник. Устроилась тетя Рая в лучшей тогда городской гостинице «Россия» в одноместном номере с видом на Волгу. Вовка днем в институте сообщил мне эту отличную новость и сказал, что сразу после занятий мы пойдем к ней в гости. Конечно, сразу после института мы помчались в гостиницу. Помню, что по тем временам номер у тети Раи был шикарный, свободный, с диваном и ковровыми дорожками. Тетя Рая, конечно, подготовилась к встрече с юношами. На столе были разные фрукты, колбаса и бутылка хорошего (как я узнал много лет спустя) армянского коньяка, которого я отродясь не пробовал. Мы быстренько опрокинули по паре рюмок «за приезд», «за хорошую погоду», «за успехи в учебе». Что-то я жевал (колбаса оказалась сырокопченой, а потому очень твердой и

жевалась с трудом), но очень быстро опьянел. Тетя Рая открыла дверь на балкон, но мне лучше не стало. Тогда она позвала нас с Вовкой посмотреть телевизор в холл. Надо напомнить, что телевизор по тем временам был редкостной технической новинкой. Мы пришли, уселись в мягкие удобные кресла. Вокруг сидели еще несколько постояльцев. Мне становилось все хуже, холл закачался у меня перед глазами, все вокруг завертелось, причем с нарастающей скоростью. Конечно, я бы упал, да ведь сидел-то в кресле. Зато случилось то, что можно было ожидать от 18-летнего мальчишки, весь день не евшего и впервые хлебнувшего коньячку из добрых рук: тошнота подкатила к горлу, а затем и вырвалась наружу. Я продолжал сидеть, так как не мог сдвинуться с места, а колбаса, яблоки и груши вылетали из меня вместе с «отличным армянским коньяком». Люди вокруг были шокированы, раздались крики: «Что за безобразие! Кто это позволил?» Тетя Рая мгновенно погасила начавший разгораться скандал, увела меня в номер, вызвала уборщицу, которая все прибрала и почистила в холле. В номере тетя Рая сняла с меня рубашку, сунула головой под холодную воду, потом растерла полотенцем, дала какую-то таблетку и заставила лечь на диван. Рубашку она застирала, а через часик и прогладила. А как же Вовка, который был на год моложе? Вряд ли он в этот день ел больше меня. Думаю, дело в том, что Вовка пробовал коньяк не в первый и не во второй раз в жизни. Тетя Рая уже пару раз в отпуск ездила отдыхать на юг и брала Вовку с собой. Уверен, что без коньяка там не обошлось.

Ну, что ж, главные мужские российские беды: алкоголь и табак (о нем речь впереди) я испытал в юности. Испытания эти оказались очень негативны, зато положительно повлияли на мое формирование – и Слава Богу! Я могу пересчитать по пальцам одной руки, когда еще в жизни мне «удалось» перебрать.

А теперь – про табак. Это еще более ранние воспоминания. Как-то врезалось в память, что в четвертом классе (значит, в 10 лет) я с ребятами – кто-то ведь позвал! – пошел собирать «бычки» (окурки) прямо на центральной улице. Курили тогда только папиросы. Запомнились из названий дешевенькая дрянная «Ракета» да еще «Дымок». Помню, что шиком считалась пачка «Казбека» с джигитом на коне на фоне гор и тогда говорили, что «Сталин любит курить «Герцеговину Флор». Ни «Казбека», ни «Герцеговины» мы в 1949 году на обочине дороги не нашли, а вот бычков «Ракеты» было в избытке. Насобирав таковых десятка два, я отправился домой «курить». Все было очень просто: брал окурки в рот, поджигал табак и докуривал остатки. Сколько я так «докурил», я не помню, помню лишь, что стало мне очень плохо. Вся

комната поплыла перед глазами, и я бухнулся на кровать. Дело было днем, мама пришла с работы только вечером, и я к тому времени кое-как оклемался. Но голова стала свинцовой, в ней разрывались снаряды, грохотали пушки и летели со свистом бомбы. Не знаю, как я дотерпел до положенного ночного сна, но наутро решение было принято: с этой гадостью не связываться! И это решение я выполнил: никогда больше меня не тянуло к табаку. Возможно, конечно, что мои жизненные перипетии не были столь значительными, чтобы затянуться сигаретой.

На лето тетя Рая снимала дачу в поселке Быково. В то время тамошний аэродром был очень невзрачным, чуть ли не «колхозным», самолетов принимал весьма мало и дачникам почти не мешал. К тому же дачу тетя Рая нашла довольно далеко от ж/д станции, минут 15 ходьбы. Зато место она выбрала чудесное: рядом луг, пруд с карасями, высокие сосны. Дача утопала в цветах, и это время запомнилось, как прекрасный отдых. И дети, и взрослые играли в волейбол и футбол, купались в пруду или дальше – в речке. Всю неделю мы, гости, были предоставлены сами себе, питались весьма скромно, а вот в субботу к вечеру появлялась тетя Рая с двумя очень нагруженными сумками в руках. Конечно, на станции ее надо было встретить и донести до дачи всю вкуснятину, издававшую приятные запахи. Конечно, мгновенно организовывался уже праздничный ужин. На раннюю электричку в понедельник тетя Рая уходила уже одна, дав наказы на неделю старшим по даче: бабушке или маме. Вспоминаю походы за грибами, собирались иногда до десяти человек, и утреннюю рыбалку на речке с дядей Толей. Почему-то никто не играл в шахматы, вот в карты – постоянно, любимая игра бабушки - в «66».

Так что Быково 50-х годов – светлое пятно моего детства.

Но вот в 1982-м году, когда я работал инженером по социальной реабилитации инвалидов по зрению на предприятии ВОС, меня послали на семинар в Подмоскowie. Адрес был такой: станция Быково, учебная база центрального правления ВОС. Ну, вот, подумал я, надо будет найти и «нашу» (тети Раи, конечно) дачу моей юности. Блуждать не пришлось: я шел точно по пути на «нашу» дачу и пришел именно к ней. Вернее, к тому месту, где она когда-то была. Однако ни «нашей», ни соседних дач, ни пруда с карасями, ни футбольных полей – ничего в помине не было. А на этом самом месте выросли стандартные трехэтажные кирпичные корпуса базы слепых. Ну как не вспомнить тут Сергея Есенина с его «Сорокоустом»! В общем, как в песне: «Было, было, было да прошло».

Тетя Рая оказала большое влияние на формирование моего характера. По знаниям, эрудиции (она много читала), манере разговора она явно выделялась среди всех моих знакомых и родных. Прежде всего – и это я увидел в ранней юности – она была умна, интеллигентна. Я никогда не слышал от нее (собственно, как и от моей мамы и всех Чулковых) никакого грубого, бранного слова. Суждения ее были почти всегда аргументированы, а потому и верны – без крика и оскорблений. В 16-17 лет я был влюблен в свою тетушку (конечно, на основе чисто нравственных устоев) и даже – пусть это и ляжет пятном в моей биографии – както попросил ее быть моей матерью. Она посмеялась и сказала: «Ленька, какой ты еще несмышлениш, подрасти года хоть 2-3, что ты тогда скажешь?». А года через 2-3 я уже учился в институте и начал понимать, что родную мать никто, даже самая умная тетя, не заменит. Все время моего обучения в вузе мама из своей очень небольшой зарплаты КАЖДЫЙ МЕСЯЦ присылала мне по 10 рублей на житье. Поскольку стипендия была тогда 29 рублей (на 1-м курсе), мамина поддержка была как спасение. Присылала она всегда в сентябре и посылку с моими любимыми антоновскими яблоками (ох, и запах стоял в нашей комнате общежития!) и вообще всячески поддерживала меня в учебе. Ну, а позднее я оценил подвиг матери, оставшейся без мужа с тремя детьми на руках с 1943-го военного года.

А у тети Раи всегда жила, готовила, стирала, вела хозяйство бабушка. Рядом с ней долгие годы был замечательный человек, ее муж, к которому она, к великому сожалению, не проявляла нежных чувств. Тетя Рая постоянно была окружена многочисленными родственниками, почитавшими ее как приветливую, хлебосольную хозяйку. А моя мама, жившая всегда очень скромно, знавшая и постоянно учитывавшая каждую копейку, была, конечно, не так заметна на фоне яркой, источавшей энергию, тети Раи.

МОСКОВСКИЕ БРАТЯ

Поэтому, думаю, можно простить меня, тогда глупого юнца.

Приезжая в юности в Москву, я всегда завидовал моим двоюродным братьям Володе и Славику: в маленькой комнате стояли два (!) книжных шкафа, наполненных изумительными книгами приключений, фантастики, поэзии. Издательство «Детская литература» много лет печатало книги в красивых переплетах, в «рамочке». Но, кроме отдельных книг, запомнились собрания сочинений (!!) Жюль Верна, Майн Рида, Александра Беляева. Я о таком богатстве и мечтать не смел. Конечно, книги приобретала и тетя Рая, но главным поставщиком мудрости

был дядя Ваня, очень интеллигентный, воспитанный, многоопытный человек. Сообща они привили своим детям любовь к чтению на всю жизнь. Позднее, когда юноша Володя Шляпин увлекся поэзией С.Есенина, первой советчицей была ему мать. И как же этому не быть, если в 30-х годах тетя Рая, как и другие девчонки, учащиеся Горьковского финансового техникума, переписывали от руки в заветную тетрадь стихи обожаемого Сергея Есенина. Было это занятие по тем временам весьма предосудительное: за найденные стихи запрещенного тогда поэта просто выгоняли из техникума. Когда в конце 50-х годов вышло, наконец, первое после длительного забвения собрание сочинений С.Есенина, конечно, и тетя Рая в Москве, и студент Володя в Горьком заимели эти маленькие, изящные, с переплетом «под березки» пять томиков. И кто же стал пропагандистом лирики великого русского (но совсем тогда неизвестного) поэта в студенческой среде? Можно догадаться с первого раза – конечно, Володя Шляпин! Он, никогда не отличавшийся желанием привлечь внимание к своей особе, тут проявил организаторские способности: сумел подготовить и самолично провести в актовом зале ГИИВТа вечер поэзии С.Есенина. Ведь это сейчас миллионные тиражи поэта разошлись по стране. Тогда же молодежь только начинала знакомиться с величайшим русским лириком XX века.

Славик же книжное дело вообще выбрал своей профессией. Правда, произошло это не сразу. Учился Вячик не шибко прилежно, поэтому даже благодаря связям отца попал не в вуз, а в речной техникум, но – в Москве. Техникум он закончил, даже поплавал какое-то время мотористом по Волге. Но однажды (очевидно, не вполне трезвый) свалился в трюм, повредил слуховой аппарат и решил, что он вряд ли повторит славный трудовой путь своего отца. Рано пристрастившийся к алкоголю, принес Славик много горестей и себе и родным. Дважды он был женат, неудачно, без детей. После 30-ти лет стал Вячик работать, используя страсть некоторых людей к собиранию дефицитных книг. Надо вспомнить 70-90-е годы. Люди гонялись за модными книгами, простаивали ночами у книжных магазинов за подписными изданиями. Лучших работников награждали подпиской на литературное приложение к журналу «Огонек». Наш Славик завел знакомства в среде книголюбов и работников книжных магазинов и даже баз и стал держать ухо востро: когда и где что-то появится из «интересненького». Стал неплохим психологом, изучил вкусы своих клиентов и стал снабжать кого - чем, по интересам. И, представьте, не так уж плохо стал на этом зарабатывать. Не говорю уже о том, что все «последнее и модное» накапливалось и в его личной библиотеке.

Володя же, его брат, был серьезнее и способнее. В институт он поступил, прямо скажем, по блату, однако учился прилично и, если и получал «неуд», пересдавал предмет самостоятельно. Володя обладал нежной, романтической натурой, к нему тянулись, скажем так, тургеневские девушки. Женился он рано, будучи на 5-м курсе. А вот жену выбрал ну так далекою от романтизма. Нина была дочерью уборщицы в нашем общежитии, не имела никакого образования, кроме 10-летнего школьного, и не стремилась никуда выше. Да, говоря современным языком, она была сексуальна: довольно высока, хорошо сложена, стройна. Но ведь как этого мало для удачной семейной жизни! Можно с успехом прожить счастливый, безоблачный медовый месяц, можно протянуть с год-два на ежедневных (еженощных) занятиях любовью, но где же общность интересов, где обсуждение прочитанных книг, увиденных спектаклей, где глубина отношений?

Ссоры становились чаще, вроде бы и рождались из пустяков, но раны в сердце долго не заживали. Ко времени дипломной работы Володя стал отцом девчушки по имени Иринка. Поскольку жена Нина уже работала (уборщицей), бывало и так, что Володя ногой качал колыбельку, а руками писал диплом. Дочь стала, конечно, связующим звеном в их отношениях, но характер у Нины оказался очень упрямым, она была несговорчивой, аргументы мало трогали ее в спорах, она обычно обижалась, надувалась, не разговаривала. Общительный Володя это плохо переносил, а примирение шло туго. В итоге институт Володя закончил и был направлен на работу на небольшой подмосковный судостроительный завод. Как будто жизнь начала налаживаться, к тому же Нина поступила в заочный финансовый институт, сказало влияние тети Раи. И тут случилась страшная трагедия: через 4 дня после празднования своего 23-летия в Москве 26 августа 1963 года Володя погиб под колесами машины. По глухому позднему рассказу тети Раи Нина косвенно виновата в этом. Дело было так: все вместе вышли из дома и направились к метро. Скоро обнаружилось, что Володя забыл дома сигареты. Нина стала ворчать, что им некогда, могут опоздать. Вовка быстро побежал домой, взял сигареты и бегом бросился их догонять. Перебегая дорогу, он обогнал легковую машину, а сзади нее ехал самосвал, которого он не видел. Шофер не успел затормозить, в итоге задними колесами самосвал остановился на груди бедного Володи. Он еще был жив, когда его привезли в больницу, но через полчаса скончался.

Удар для всех родных был страшной силы, но как же уродливо отозвался он в сердце

Нины! Конечно, она любила Володю, но поступить так, как поступила она, дано немногим. Нина вернулась домой, завернула в одеяльце годовалую Иринку и со спокойным вроде лицом пошла «погулять». Дошла она до Бородинского моста (это минут 10 хода) и с его середины прыгнула в воду. Вместе с ребенком!! Конечно, она хотела такого конца для себя, но – ребенок!! Безусловно, они погибли бы обе, но чудеса бывают не только в сказках, а и наяву. Буквально следом за ней шел парень, он увидел этот дикий полет и бросился за ними вслед. Как он смог спасти их обеих, я не знаю, но вот спас же! Скрыть это происшествие было невозможно, и тетя Рая, конечно, возненавидела Нину. Иринка к тому времени стала любимицей тети Раи, и сама мысль, что она только что могла потерять и любимого сына, и крохотную внучку, навсегда отдала ее от молодой

Бабушка Анна Антоновна

невестки-вдовы. Володя для тети Раи всегда был любимым (и любящим) сыном, и его потерю она страшно переживала потом всю оставшуюся жизнь. Август - вообще-то месяц дней рождений для нашей семьи (7 – бабушка, Анна Антоновна, 15 – мой, 22 – Володи), и вот завершение ужасное: 26 – смерть Володи Шляпина.

Нина же проявила решительный характер и в дальнейшей жизни. Институт она закончила, стала хорошим специалистом, неплохо зарабатывала. Позднее она переехала в Киев, вышла замуж за летчика, писала в Москву редко. В итоге следы и ее и Иринки затерялись на просторах «самостийной та незалэжной Украины».

Чуть было не написал: «вот и оборвалась ветка родословной Чулковых-Шляпиных». Ан нет, не оборвалась. В 60 лет учудил наш Вячеслав Шляпин. Со своей очередной избранницей родили они сыночка Ванечку (названного, видимо, в честь деда). Пассия Вячика - сравнительно молодая особа, но как он будет воспитывать сына – загадка для будущих исследователей родословной семьи Чулковых.

Продолжу повествование 1956 года. Итак, получен вызов в Горький, в ГИИВТ. Еду туда, конечно же, через Москву. 31 августа – знаменательнейшее событие для всех спортсменов СССР – открытие Всесоюзной стройки, 100-тысячного стадиона в Лужниках, самого крупного

в стране. Тетя Рая, как работник Стройбанка, имеет на руках пригласительный билет и не знает, что с ним делать. Ей-то это великое событие совсем не интересно, не впечатляет оно и равнодушного к спорту Володю, а Славик вообще еще мал. Ну, а я, вот он, умоляю тетю Раю отдать приглашение мне. И вот счастливый билет в моей руке, и я мчусь в Лужники. Конечно, был грандиозный спортивный и культурный праздник, сильное впечатление. Много раз позднее, зачастую пешком от нынешнего Кутузовского проспекта по набережной Москвы-реки я добирался до касс стадиона в Лужниках на особо значимые соревнования, и он стал для меня родным. А однажды, в 1961 году, когда я проходил преддипломную конструкторскую практику в одном из московских ЦКБ, я даже поучаствовал в открытом первенстве Москвы по настольному теннису. Без всякого, правда, успеха – «вылетел» из розыгрыша уже после второй игры.

Не единожды я позднее ездил в Москву на открытие нового спортивного сезона. Проходило это мероприятие, конечно, в Лужниках ежегодно 2 мая и завершалось футбольным матчем одной из столичных команд. Был счастлив, если этой командой оказывался мой любимый «Спартак». Дважды я с другом и коллегой по ЦКБ Геннадием Якуниным даже добирался из Городца до Москвы (1000 ведь километров в оба конца!) 30 апреля на ... мотоцикле, а это было непросто и весьма холодно, да ведь «охота пуще неволи». Но лишения в пути компенсировались затем переживаниями на стадионе, а еще позднее праздничным застольем у тети Раи. У Геннадия же в Москве вообще жила мать.

ИНСТИТУТ

Итак, 1 сентября 1956 года я прибыл в Горький к месту своей почти 6-летней учебы. В общежитии на ул. Пискунова мест, конечно, не оказалось. Три года учебы ушли на 5-кратную смену частных квартир. Однажды жили в пятером где-то далековато, в районе пл. Сенной, в полуподвале. Там все время было холодно, ночью бегали крысы, но мы, молодые, спали безмятежно. Лишь к началу четвертого курса я получил, наконец, вожденную койку в общежитии. К тому времени мы, пятеро с одного курса и даже из одной группы, стали уже заматеревшими студиями.

Ну, а 1-й курс запоминается, конечно, навсегда. Разительный контраст со школой, где нас, школяров, что греха таить, воспитывали и лелеяли, где писали только под диктовку и каждый учитель нас всех знал, как облупленных. Институт резко бросил нас в свой устав: запись

лекций по слуху, точность формулировок и никаких тебе переспрашиваний и уточнения непонятого. Все это было непривычно и пугающе-неизведанно. Вместо таких теперь кажущихся простых алгебры, геометрии, тригонометрии в жизнь ворвалась суровая высшая математика, вместо школьных пяти-шести привычных еженедельных предметов появились полтора десятка совершенно незнакомых дисциплин. Одним из изматывающих предметов явилось черчение. Чертить пришлось очень аккуратно, немного – карандашом и много – тушью.

На нашем курсе кораблестроительного факультета (около 100 человек) учились четверо ребят, закончивших с отличием Лимендское мореходное училище на севере России. Это были чрезвычайно целеустремленные студенты, знавшие, зачем они пришли в вуз, и учившиеся просто со скрежетом зубным. Все они позднее стали отличными инженерами. Так вот у одного из них с детства сохранился лишь один глаз. Представьте, каково было ему перед экзаменами прочитывать горы конспектов и учебников! Но и это не самое поразительное. У другого из этой четверки мореходов, Виктора Тулубенского, вчитайтесь! не было совсем одной руки!!! Как можно выполнять задания по черчению и начертательной геометрии – одной рукой?! Но и это были еще «семечки». На 3-м 4-м курсах черчение стало ужасно трудным, пошли теоретические чертежи обводов корпуса, которые после расчетов надо было подобрать и вычертить по лекалам на ватмане. Точность здесь необходима невероятная: десятки долей миллиметра, твердость карандаша – не ниже «5Т». Такой карандаш резал обычную бумагу, как нож, да и затачивался он наподобие ножа. Мы, зрячие и двурукие, едва не плакали над этими хитрыми лекалами, каково же было Тулубенскому? А он не просто справлялся с трудными заданиями, но выполнял их отлично и одним из первых на всем курсе. Вот это упорство, вот это желание овладеть профессией! И – овладели. В.Тулубенский после ГИИВТа попал в крупное Горьковское ЦКБ, успешно продвигался по службе и стал Главным конструктором этого бюро.

Мои успехи были не в пример скромнее. В приложении к Диплому об окончании института вообще-то почти все оценки за 5 лет учебы почти только «хор» и «отл», но учеба не приносила мне удовлетворения. Техника, инженерное дело не соответствовали моим наклонностям. Конечно, в душе я был гуманитарием, но жизнь распорядилась иначе. Уже ко второму курсу я не прочь был перейти в иняз на английский факультет. Да ведь как это сделаешь в чужом городе без близких, без родной мамы? Что ж, судьбу не выбирают.

Как и все студенты, не живущие дома с родителями, питался я очень скромно, если не сказать скудно, и есть хотелось постоянно. Но тут были две отдушины. Первая – хорошие знакомые тети Раи, еще по довоенному Горькому, сестры Ярыгины, очень интеллигентные дамы, обе – преподаватели вузов. Примерно раз в месяц (на младших курсах) я приходил к ним на ул. Заломова, дом 11, и они всегда угощали сытным обедом.

БРАТ ЮРИЙ

Ну, а вторая отдушина связана с новой знакомой моего брата Юрия. Симпатичная полненькая девушка Тоня работала в то время раздатчицей в столовой речного училища на ул. Лядова, рядом с нашим ГИИВТом. Юрий объяснил мне, как найти Антонину. Этот путь я запомнил очень хорошо. Тоня всегда прекрасно относилась ко мне, а позднее – к моей семье и детям. Тогда же, в 1956 году, она добавляла мне массу энергии. Я приходил (не очень часто) в столовую ГРУ, скромно стоял в очереди, подходил к раздатке ... Ну, а затем уже еле уносил на подносе все, что девушка по доброте душевной мне накладывала. Ел, как говорится, от пуза. Жаль, что пиршество это продолжалось недолго: Тоня, как и мой брат, навсегда связала свою жизнь с речным транспортом, перейдя работать на камбуз судна.

Вот и плавно перешли к рассказу о семье брата **ЛИСИНА ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА**.

Юрий к тому времени после окончания Астраханского РУ уже плавал несколько лет на пассажирском судне в должности 3-го помощника механика. Забегая вперед, скажу, что все свои 33 (!) навигации Ю.Лисин проработал на пассажирском флоте. Думаю, что на пассажирском судне ответственность механика гораздо большая, чем на грузовом. У механика под началом множество судовых систем, которые должны работать безукоризненно. К тому же, очень часто брат работал на экскурсионных маршрутах, перевозил зачастую и иностранцев, что в те годы было особенно обязывающим.

Долго ли, коротко ли, летом 1957 года Юрий и Антонина оформили свои отношения. Даже и не слышал, была ли у них свадьба с русским застольем, наверное, и нет. Все тогда было скромно, обошлись без пышных торжеств. Хотя родня у Тони очень большая: брат Николай и множество сестер.

Главный механик судна Ю.А.Лисин

Жить старшие Лисины стали по месту зимней стоянки судов, в затоне им. «40 лет Октября». Дали им квартиру в старом фонде, деревянном 2-этажном домике.

Не заржавело и за первенцем, в конце марта 1958 года родилась дочь. Видимо, в честь нашей матери ее назвали Валентиной. С рождением Валюшки связан любопытный случай, произошедший ... со мной. К тому времени в ГИИВТе учился и мой двоюродный брат Владимир Шляпин. Узнав о рождении племянницы, в ближайшее воскресенье мы с Вовкой отправились навестить новорожденную. Всю зиму между Горьким и Бором действовала пешеходная тропа через

Волгу. В конце марта тропа несколько обезлюдела, но все же прохожие попадались на пути. Да только идти пришлось совсем недолго. Отойдя от берега метров 30, я неожиданно провалился под лед. От испуга сердце спряталось, а мозги задвигались. Ко дну я не пошел, а схватился за край образовавшейся проруби. Вовка поначалу растерялся, но потом лег на лед и протянул мне руку. Видимо, лед здесь еще не сильно подтаял, поэтому я вылез наружу. Что было делать? Пришлось раздеться догола, выжать все промокшее, снова его надеть и бежать назад к Сенной площади. Жил я тогда как раз в полуподвале. Вовке я дал пару рублей из НЗ и попросил купить четвертинку водки и хлеба, а сам полетел домой. Дома я, конечно, переоделся в сухое. Пришел Вовка, мы выпили четвертинку, занюхали ржаным хлебцем и спокойно двинулись по знакомому уже маршруту. На сей раз Бог миловал, мы успешно добрались до Бора, а потом и до затона. Нашли роддом, нам показали сверточек с малышкой. Тут Вовка рассмотрел беленькое пятнышко на темных волосиках девочки. Брат Юрий потом долгие годы вспоминал слова Володи: «Вот за этим пятнышком лет через 15 будут бегать ребята». Дело в том, что эта белая отметина в волосах была нашим семейным родимым пятном. От отца она передалась и мне (шатену) и черноволосому Юрию, а теперь вот проявилась у его дочери.

Интересно, что подледное купание никак не сказалось на моем здоровье: я не захворал. Видать, качественная водка производилась в 50-е годы!

Разница в 5 лет при рождении детей сохранилась и у Юры с Тоней. Через 5 лет практически в тот же день марта родилась вторая дочь, Аллочка. Хотя родители 7-8 месяцев в году находились в плавании, обе дочери Юрия учились отлично и закончили в свое время школу с золотыми медалями. Валюшка поступила в университет на химфак, а Аллочка, с детства мечтавшая стать врачом и вылечить родных, конечно, стала студенткой мединститута. После института Аллочка продолжала учиться в ординатуре, стала заниматься научной работой, готовила кандидатскую диссертацию. Помешал развал СССР, наука вообще стала никому не нужна, да и научный руководитель ее работы вскоре умер. Так что вместо научной диссертации стала наша Аллочка, теперь уже Варакина, просто очень хорошим врачом педиатром. Трудится Аллочка на двух работах, воспитывает свою дочку Анечку, которая сама давно уже студентка и тоже отличница – в маму.

У Валюшки, теперь по мужу Севастьяновой, двое детей: сын Миша и дочка Ксюша. Не так давно женился Миша, а нынче и Ксюша вышла замуж за жителя Волгограда.

Но вернемся к Юре с Тоней. Юра прошел служебный путь от 3-го помощника до главного механика большого пассажирского судна. Долгие годы он плавал на «Советском Союзе», затем – на судне «Генерал Ватугин». Тонечка тоже двигалась в своей карьере. Из обычной кухонной работницы она превратилась в шеф-повара судового ресторана. Не всегда супруги плавали на одном судне, а это, конечно, не укрепляет семью. Но жизнь есть жизнь, отдел кадров Волжского объединенного речного пароходства не подстраивался под интересы семьи Лисиных.

Тонечка научилась превосходно готовить, и все наши встречи проходили за обильным вкуснейшим столом. К тому же Тоня прекрасно умела сервировать стол.

Когда мы с Зоей поженились, на свадьбе было совсем немного гостей, но Юра с Тоней приехали. Тут же Тоня взялась за дело. Неизвестно, как и что получилось бы у нас, но у нее все вышло прекрасно. Она готовила, резала, украшала тарелки, ставила на стол. Все она делала очень быстро и очень красиво. Жена Зоя до сих пор вспоминает, как здорово помогла нам Антонина Михайловна.

Летом служебные каюты Юры и Тони не пустовали. У них обязательно кто-то плавал: или дети, или родные, а иногда – и те и другие. Мы с Зоей не раз и не два отдыхали у них на

теплоходе. Вспоминаем эти поездки с большой радостью. Плавали часто по маршруту Горький-Астрахань-Горький с двумя «зелеными» стоянками и экскурсионным обслуживанием в городах.

Юрий Лисин с женой и дочерью

На зимний отстой суда ставились в затон «60 лет Октября». Как будто наступало время отдыха команде судна. Тоне – да, но не Юре. Уже с января нового года начиналась головная боль с ремонтом судовых двигателей. Их надо было подготовить к навигации. Для этого мало было сделать профилактику, обычно нужен был средний ремонт. Ну и кошмар для механика – капитальный ремонт главных двигателей! Конечно, существуют средства малой механизации для перестановки крупных деталей. Да вот только частенько эти средства для быстроты (график выхода судна поджимает!) заменялись испытанным российским средством – на собственном горбу. Поднимать и перетаскивать приходилось тяжеленные детали, и это сказалось на здоровье. Ничто не проходит бесследно, заработал механик Ю.Лисин очень неприятную пупочную грыжу и многие годы страдал от нее. Но всегда судно вовремя выходило в рейс! Да здравствуют советские честные работники, положившие свое здоровье на алтарь Отчизны!

Уже больше 50 лет продолжают наши теплые семейные отношения с братом и его семьей. Мы с Зоей были на свадьбах их дочерей, они были гостями на свадьбах наших дочек. Рождались наши внуки, теперь вот у Юры с Тоней растет правнук Женя, сын Миши Севастьянова и его жены Маши.

СЕСТРА ЖЕНЯ

Но не менее теплые отношения с самого детства были у меня с сестрой, по мужу

ШАХВЕРДОВОЙ ЕВГЕНИЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ

Закончив в 1952-м году Астраханский нефтяной техникум, она была направлена на работу в Краснодарский край, в станицу Дондуковскую. Станица эта имела станцию, через которую проходили составы 60-тонных цистерн с нефтью. Молодую, тогда незамужнюю девушку местные станичники прозвали «механичкой». Основной ее обязанностью было влезать по узенькой металлической лестнице на вонючую цистерну, открывать тяжелый люк, проверять объем и, видимо, качество перевозимой нефти. Работа, доложу вам, не для молодой, симпатичной полненькой девушки. Я, Божьей волей, сумел побывать на этой станции и пожить месяцок у сестры. Было мне неполных 13 лет, и мама отправила меня одного в Краснодарский край. Летом билеты на поезд достать было трудно, мама договорилась с проводником проходящего поезда, дала ему денег, мне – одеяло для сна и помахала вслед. Проводник устроил меня на верхнюю полку в свое купе и честно довез до Дондуковской, сдав там на руки взволнованной сестре. Я отлично прожил этот месяц, без всяких забот. Кругом росли всякие фрукты прямо на улице, почти каждый день Женя приносила огромный спелый сладкий арбуз. Все было прекрасно, кроме отсутствия футбола.

На следующий год Женя достала мне путевку в пионерлагерь у пос. Шепси. Запомнился поход в горы и сильная жара. Еще через год (мне уже 15 лет, переросток для п/л) снова как-то удалось впихнуть меня в тот же лагерь на берегу Черного моря. К тому времени поднадоели и лагерь, и летняя жара. Женя же была переведена по работе в Краснодар в краевое управление Главнефтеснаба. Сначала жила на частной квартире, потом получила небольшую комнату, а затем и до конца жизни имела маленькую двухкомнатную квартирку рядом с городским парком. Жизнь полна неожиданностей, кто бы мог подумать, но ведь случилось: молодая симпатичная русская девушка вышла замуж за зрелого мужчину на 12 лет ее старше, армянина Михаила (в русской транскрипции) Шахвердова. Миша был отличным водителем, возил

начальника газовой службы на повидавшем виды «газике». Спокойный, с юмором, таившемся в красивых очень темных южных глазах, с ранней сединой в голове, Миша любил свою русскую жену и радостно встречал нас, ее родных, в солнечном Краснодаре. Весьма скоро у Шахвердовых появились один за другим двое сыновей, Александр (названный, конечно, в честь нашего отца) и Валерий. Как забавна бывает жизнь: когда пришло время получать паспорт и проставлять там национальность, Саша, почти копия – армянский отец – настоял на записи «русский». Валерка же, добродушный веселый толстяк, похожий на теперь уже очень полную маму Женю, отстоял национальность «армянин». Вот такие родные братья разных национальностей от одних и тех же родителей.

После моей женитьбы с Зоей наши летние отпуска, кроме реки Волги (брат Юрий с его теплоходом), стали протекать на юге России на берегу Черного моря. Женя стала доставать нам путевки на летнюю базу своего предприятия, конечно, на море. Там стояли вагончики, имелась кухня с газовыми плитами, недалеко – магазин. А море, вот оно, в 100 метрах. После рождения у нас с Зоей двух дочерей наладили мы отдыхать всей семьей «у Жени».

Женя любила читать, и эту любовь прививала и мне с детства. Десятки лет хранились у меня книги, присланные мне, десятилетнему, сестрой в 1949 году еще из Астрахани. Книги прекрасного детского писателя Льва Кассиля: «Великое противостояние», «Дорогие мои мальчишки», «Улица младшего сына». Позднее я оценил его «Швамбранию» и спортивные рассказы. Женя в письмах постоянно спрашивала о моих школьных успехах, следила за моим возмужанием. Любила сестра и кино и театр, была спортивной болельщицей. Интересно, как разошлись наши болельщицкие футбольные пристрастия: Евгения болела за ЦДКА, Юрий – за «Динамо», а я с детства – за «Спартак». Когда эти команды сходились в пару между собой, мы становились на полтора часа врагами.

Конечно, Женя была более тонко душевно организована, чем простецкий ее армянский муж. Это душевное несоответствие всегда возмущало нашу маму, и отношения ее с зятем были прохладными.

С рождением сыновей Евгения очень раздобрела и до конца своих дней не справлялась с постоянно растущим весом: 90, 100, 120 кг при среднем росте. Отсюда – сердечно-сосудистые болезни с артериальным давлением порядка 230\130. Все же сестра дожила до 75 лет, но в последние месяцы уже не вставала. Ухаживал за ней младший сын Валерий. 8 мая 2004 года я получил телеграмму из Краснодара: «Умираю. Не поминай лихом. Целую всех Евгения». 17

мая она умерла. Телеграмма тут же исчезла. Мистика заключалась в том, что ни Женя, ни Валера такой телеграммы не давали. В прошлом году Валерий гостил у нас в Городце, я специально спрашивал его о телеграмме. Он сказал, что даже на почте не бывал, а мама Женя была прикована к постели. Параллельные миры пересеклись, и последняя воля умирающей была услышана. Ну да, в конце 60-х годов до этого было еще далеко.

МАМА

Вернемся к нашей маме **ЛИСИНОЙ ВАЛЕНТИНЕ АНДРЕЕВНЕ**.

В 60-е годы власти Курска взялись за преобразование центра города. С ул. Ленина убрали трамвайные пути, все 2-3-х этажные дома снесли и возвели 9-этажные «небоскребы». Исчез дом моего детства, исчез даже центральный стадион «Динамо», улица была расширена, облагорожена цветниками, широкими пешеходными дорожками. Где-то в недрах города подрастал будущий губернатор и политик государственного масштаба Александр Руцкой. Ну,

а маме в связи со сносом старого дома, да и за заслуги перед Отечеством дали однокомнатную квартиру на окраине города в районе тракторного завода. Я в свою бытность даже не бывал там никогда. Мама, будучи на пенсии, продолжала работать, но обстоятельства заставили ее уехать из Курска на 5 лет. Временно переселилась мама к сестре Раисе в Москву. Все потому, что у нашей бабушки Анны Антоновны случился инсульт, отнялась левая половина тела. Речь ее стала совершенно нечленораздельной. Вернее, даже не речь, а произносимые звуки. Звуки эти были только такие: «Ко-ко» либо «Не ко-ко». Все, что она хотела сказать, можно было

Лисина Валентина Андреевна

почувствовать лишь по оттенкам интонации. Тетя Рая еще работала, тянула семью, и бросать работу, конечно, не хотела. Вот моя

мама и стала сиделкой своей матери на долгие шесть лет. После смерти бабушки в 1974 году мама вернулась в свою новую курскую квартиру, стала работать на почте. Все мы, ее дети, уже имели свои семьи и своих детей и жили вдали от Курска. На старости лет тяжело жить одному, поэтому мама стала искать варианты объединения с дочерью Евгенией. Намерения были самые благие: помочь Жене по хозяйству, да и самой не бояться остаться одной без помощи в случае своей болезни. Несколько лет ушли на поиски приемлемого варианта обмена. Квартирный обмен в 70-е годы был весьма популярен, всюду были созданы бюро по обмену жилплощади. Наконец, удалось найти неплохой вариант, квартира минутах в 15 ходьбы от Жени. Обмен был совершен. Летом 1971 года я с Зоей приехал в Курск, чтобы помочь маме отправить вещи контейнером в Краснодар. Это было сделано, и теперь не только я, но и мама распрощались с городом, дававшим нам приют в течение трех десятилетий.

Так мама из курянки превратилась в краснодарку и оставалась таковой лет 10. К сожалению, благие намерения объединиться с дочерью не увенчались успехом. Основная причина заключалась в весьма прохладных, мягко говоря, отношениях тещи (мамы) и зятя (Миши). Различие в культурных ценностях, если хотите, этнические разногласия не дали возможности объединения. Приближалось мамино 70-летие, не за горами маячила старость, и ее взоры обратились на Нижегородский край к сыновьям. Теперь была предпринята попытка обмена Краснодара на Горький, чтобы быть близкой и к старшему (затон Октябрьский), и младшему (Городец) сыновьям. Ну, поменять-то Краснодар было делом простым. В Горьком нашлась однокомнатная квартира в районе Нижегородской ярмарки, и мама на восьмом десятке лет стала горьковчанкой. И это было не последнее переселение вечной нашей странницы.

Мамин брат Леонид Чулков уже давно и прочно осел со своей женой Клавдией Мироновной в г. Рыбинске. Долгие годы дядя Леня проработал, как бы это попышнее выразиться, начальником АХО Рыбинского речного училища. Своих детей у них не оказалось, были очень теплые отношения с друзьями по работе и дому. Все бы хорошо, да ведь старость не приходит без болезней. Сначала умерла тетя Клава, и остался дядя Леня, толстый, больной ветеран Отечественной войны наедине со своими недомоганиями. А недомогания переросли в болезнь, пугающую одним названием, – рак. Конечно, имелся сын тети Клавы Сергей

Лебединский. Сергей работал в ЦКБ при заводе «Красное Сормово», стал прекрасным ведущим инженером, очень часто бывал в командировках. К тому же у него имелась своя семья: жена Галина и сын Саша. Моя семья и его были одно время в весьма близких отношениях, встречались и в Горьком – у них, и на природе в Городце – у нас. Зоя даже жила какое-то время у Лебединских на квартире во время учебы в медицинском училище. Сергей Лебединский был замечательным сыном, как мог, заботился о родителях, при любой возможности заезжал в Рыбинск, однако постоянно там жить было ему невозможно.

Несколько лет мама ухаживала за братом Леонидом, и все же случилось неизбежное. Дядя Леня умер, а мама временно стала – кем? – «рыбинчанкой»?

Приближалось мамино 80-летие. Здоровье ее давно не было идеальным. Появился склероз мозга, который все прогрессировал. Однажды ночью, встав с кровати, она потеряла равновесие и упала, ударившись головой о косяк двери. Утром ее, слава Богу, обнаружили соседи, так что до летального исхода дело не дошло. В Рыбинске ее положили в больницу, там подлечили, но стало ясно, что одной жить нельзя. Жизненное путешествие мамы приближалось к концу, и закончилось оно в Городце. Здесь маму пришлось положить в больницу, склероз усиливался. Все это можно было бы пережить, но тут случилась большая напасть: у нас дома на ковре мама как-то неудачно подвернула ногу и, упав, сломала шейку бедра. Перелом – ужасный даже и в молодом возрасте, ну, а в 82 года...

Мужество матери поражает: пролежав почти два месяца в больнице на спине на деревянном щите, она смогла (вот сила воли!) с моей помощью заново научиться ходить и потом вполне сносно передвигалась по квартире. Возможно, она прожила бы еще немало лет, но катаклизмы, происшедшие с нашей страной, совершенно лишили ее жизненных ориентиров. Распад СССР, безудержная инфляция никак не укладывались в ее сознании. Ей, привыкшей беречь каждый заработанный рубль, невозможно было понять ежемесячные повышения цен и тарифов в десятки, а то и в сотни раз. Она боялась за нас: как мы сможем выжить в это безумное время? И – угасала. Мы с Зоей отвели ей комнату, старались не волновать невзгодами. Но исход был предрешен: 8 ноября 1991 года мама скончалась в нашей квартире. Умерла она тихо, слава Богу, болей она не испытывала. Похоронена она на местном кладбище, рядом с шоссе, по которому мчатся автомобили, как бы передавая привет ей, вечной страннице.

Практически всю жизнь, с первого знакомства продолжалась дружба мамы с Ириной Борисовной Жардецкой. Казалось бы: что может связывать управляющую (на протяжении десятков лет) областной конторой Промбанка СССР с мелкой служащей, рядовым кредитным инспектором? А связывало то, что не купишь ни за какие деньги: теплые человеческие отношения. Я смутно помню, как в конце 40-х годов в Курск приехала семья Жардецких: Николай Степанович, бывший офицер, лишившийся на войне руки, и молодая выпускница Московского финансового института, Ирина Борисовна. Помню также зимний холодный вечер и нас с мамой, перевозящих на санках дрова из нашей сарайки для обогрева квартиры Жардецких. В детстве и юности Ирина Борисовна производила на меня впечатление умной, очень интеллигентной дамы в толстых очках. Она и была такой, но умела, когда нужно, применить и силу приказа, и властные полномочия. Это позволило ей многие годы быть едва ли не единственной женщиной-руководителем областного масштаба.

Когда мама покинула Курск, она вела обширную переписку, и обязательно в числе адресатов значилась И.Б. Жардецкая. Теперь на протяжении многих лет уже я подхватил эпистолярное наследие мамы и активно переписываюсь с Ириной Борисовной, узнавая курские новости.

Когда в 2006 году была организована встреча выпускников школы №6 через 50 (!!) лет после ее окончания, и я смог поехать на это мероприятие, не было ни малейшего сомнения, где остановиться в родном городе. Конечно, у Ирины Борисовны! И она прекрасно меня принимала, несмотря на свой возраст (81 год) и зрение, настолько плохое, что любые очки уже не помогали.

Если человек великодушен, то и большая должность его не испортит!

Встреча через 50 лет

МОЯ СЕМЬЯ

Ну вот, наконец, я и подошел к финалу повествования, к рассказу о своей семье ЛИСИНА ЛЕОНИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА, моих самых любимых людях. Торопиться не буду, так что начну с 1962 года, момента окончания института и направления на работу в Городецкое ЦКТБ Речного флота РСФСР на должность инженера-конструктора железобетонных судов.

В студенческие годы выявились у меня три любимых вида спорта, которым я остался верен всю жизнь: волейбол, настольный теннис и шахматы. В Городце ни одного вида я не бросил, отдав предпочтение все же волейболу. Наша команда «Водник» в 1962 – 1965 годах была сильнейшей в городе, да и в районе. Занятия спортом отнимали практически все свободное время. Летом я почти не имел выходных: все воскресенья (тогда была 6-дневная рабочая неделя) я проводил на соревнованиях. С некоторых пор на этих соревнованиях, а иногда и на тренировках, стала присутствовать молоденькая стройная симпатичная девушка по имени Зоя, с которой меня познакомил на танцах в городском парке мой товарищ по команде Олег Волгин. Опыта близкого общения с девушками у меня не было. О курском целомудрии 50-х годов я уже писал, в институте тоже как-то не получалось: то учеба, то спорт, а то и карты (на пятом курсе и во время диплома усиленно играли в преферанс «по маленькой»).

Познакомились мы весной 1964 года, начали встречаться-проводиться. Зоя всю жизнь мечтала учиться в мединституте, стать врачом. Мечта оказалась недостижимой, но медиком она все же стала, поступив в медучилище, готовившее зубных техников. Летом 1964 года я, как обычно по приглашению сестры Евгении, отправился в отпуск в Краснодар, ну и далее на солнечный берег Черного моря. Назад возвращался самолетом, и каково же было мое удивление, когда в аэропорту г. Горького меня встретила девушка Зоя с огромным букетом цветов! Это расставание на месяц стало решающим в наших отношениях: мы оба почувствовали как дороги друг другу. Прошло еще пара месяцев, и мы решили пожениться. Какая-никакая комнатка у меня была. Да, в старом деревянном доме абсолютно без удобств (да мне-то не привыкать), с печкой и шестью метрами «полезной площади».

Во дворе были сараи, куда мы, жители восьми «клетушек», все молодые инженеры ЦКТБ, складывали дрова. Дрова, естественно, надо было сначала перепилить и переколоть. Зато зимой от печки шел жар, и полночи в комнатке было тепло. 14 ноября 1964 года мы с Зоей получили «Свидетельство о браке» и считаем этот день днем рождения нашей семьи. Пока что минуло 44 года нашей совместной жизни, и, если даст Господь, хочется отпраздновать, ну, для начала, золотую свадьбу.

А вот свадьба-то у нас была позднее, 5 декабря. Денег на свадьбу у жениха не было (на свой месячный оклад в 100 рублей молодой инженер смог за два года накопить и приобрести лишь юношескую мечту – радиолу «Мелодия»), поэтому пришлось занимать у невесты. Невеста же оказалась расторопнее жениха, сразу после школы пошла работать и сумела кое-что скопить. Как бы то ни было, костюм, рубашку, туфли жениху, платье с аксессуарами (оно живо до сих пор!), туфли невесте и, конечно, обручальные кольца были приобретены.

Свадьба была весьма скромной, в маленьком родительском домике невесты, однако помнится вечно. Каждый год мы с Зоей отмечаем торжественно и день регистрации брака и день свадьбы.

Молодая жена только что поступила учиться в медучилище, но вот что такое молодость и что такое любовь: утром надо было проснуться раньше пяти часов, чтобы успеть на первую электричку из Заволжья в Горький, там с вокзала добраться в центр города на ул. Семашко, отзаниматься по полной программе и вечером успеть на последнюю электричку до Заволжья. В Заволжье надо суметь втиснуться в последний автобус, идущий до Городца, и в 12 часов ночи можно поцеловать полусонного мужа. Утром маршрут повторялся заново.

Этот изматывающий режим продолжался и до, и после рождения первой дочери вплоть до окончания училища в июле 1968 года. Электрички и переполненные автобусы настолько въелись в память Зои, что она всю оставшуюся жизнь вспоминает о них с содроганием.

Ну, а жизнь продолжалась. Никуда не деться от продолжения рода, и в срок, 1 октября 1965 года (ага, пятеркой оканчивается цифра года!), родилась дочка Елена, в обиходе Аленушка. Пришлось 20-летней мамаше Зое брать в медучилище академический отпуск на год.

Не знаю, как бы мы справились с жизненными трудностями, если бы не помощь Зоиной мамы Валентины (Вассы) Ивановны.

Было бы преступлением с моей стороны не высказать свое отношение к этому прекрасному человеку в моей жизни.

Простая неграмотная женщина, по моему глубокому убеждению, она являлась поистине интеллигентной. Нелегкая (но очень типичная) судьба выпала ей на роду – то, что называется старинным русским словом – юдоль. Валентина Ивановна родила и воспитала троих детей. Муж, обычный русский мужик, плотничал по частным заказам. После работы любил выпить, имел «заначку» на опохмелку. Иногда выпивка продолжалась несколько дней. Во хмелю Василий Фадеевич бывал грозен, иногда и бивал супругу, так что ей (и уже вместе с дочкой Зоей) приходилось убегать из дома от его кулаков и ждать за углом дома, пока хозяин угомонится. Официально Валентина Ивановна не числилась на работе, а фактически трудно было найти более трудолюбивого человека: все ведение хозяйства и заботы о детях лежали на ее плечах. Домохозяйка домохозяйке - рознь, а у нее в доме всегда было чисто, прибрано, обед (простой, но всегда вкусный) томился в русской печи.

Жизнь сложилась так, что из троих детей с самого детства ей была ближе всех младшая, Зоюшка. Родила она ее очень нескоро, в 36 лет, в преддверии Великой Победы, 13 марта 1945 года, после 10-летнего перерыва от рождения сына Геннадия (Емельяна по паспорту). Старшая ее дочь Елизавета воспитывалась под влиянием тетки Анны, потом поступила в Балахнинский техникум, потом, явно не по большой любви, вышла замуж и родила дочку Лидию. В общем, как-то Елизавета всю жизнь не была рядом с матерью. Да и семейная жизнь у Лизы сложилась неудачно: муж Виктор Шкапин, хороший водитель с «золотыми» руками, нередко выпивал, а во хмелю в нем просыпались темные инстинкты, наружу вырывались злоба и насилие. Не раз он дрался, даже и с родными людьми.

Сын Геннадий рано стал работать с отцом «по частному», конечно, приобщился к выпивке, уезжал работать в Забайкалье, в Братск. Семью, как таковую, не создал, детей не было. Жизнь прошла без интересов и закончилась в совершенном одиночестве в абсолютно пустой квартире грязного рабочего общежития.

А вот кто с самого детства был духовно близок с матерью, так это Зоя. Душевные отношения с матерью продолжались у Зои все 60 лет и формально закончились только с кончиной Валентины Ивановны. Пишу «формально», потому что на самом деле эти отношения продолжают, и нередко Зоя обращается к матери и теперь за советом и – верите! – желанием услышать похвалу за какое-либо очень хорошее дело.

Не так много найдется на свете детей, как Зоя, которые бы в 10-летнем возрасте ходили в суд и доказывали судье, что мама ни в чем не виновата. И ведь ребенок помог матери! Суд дал лишь штраф, и, Слава Богу! А как дочь боялась, что мать посадят в тюрьму! Сейчас это выглядит смешным, а тогда весь вопрос состоял в том, что Валентина Ивановна перепродала соседке пачку дрожжей...

Я никогда не называл В.И. тещей, всегда звал мамой, и в этом не было лукавства. Она, как истинная мать, относилась к нашей молодой семье, и очень нас выручила в годы учебы, а затем и работы Зои. В.И. взяла на себя основную нагрузку по «вождению» маленькой Аленки. Помните, у Евтушенко: «Россия держится на бабушках...». Зачастую Алена проводила больше времени у бабуся, чем у нас дома. Это – не забывается, и Аленка тоже всю жизнь любила свою бабусеньку.

Мама Зои была очень мудрой и очень доброй. Никому и никогда она не желала зла, была очень спокойной по характеру, хотя жизнь ее немало ужалила. Она любила всех своих детей, жалела непутевого сына, будучи уже больной и неходячей, из своей мизерной пенсии отсылала ему деньги на житье.

Она была очень верующим человеком из старообрядцев нынешнего древлеправославного благочестия (центр – г.Новозыбков Брянской области), соблюдала все посты, но никогда не была фанатичкой веры. Она не заставляла силой ни детей, ни внуков зубрить молитвы, а всей своей жизнью доказала: Бог есть, и все мы, человеки, в его власти.

История последних лет ее жизни поражает. Осенью 1992 года она получила сильнейший стресс. Пьяный зять В. Шкапин ударил ее палкой по голове, и она слегла после этого. Зоя кинулась к врачам, они приезжали один за другим. У всех вердикт был примерно одинаков:

протянет месяца 3-4. Было ей 83 года, как и моей год назад умершей маме. Валентина Ивановна залегла в своем доме, дочь Елизавета постаралась оградить мать от внешнего мира. Телевизор всегда считался большим грехом и не включался, а радио Лиза убрала. Лежать в постели без участия, без надежды – ужасно. Оживлялась она, когда приходили мы с Зоей или Аленка. Тут уж мы старались отвлечь ее от худых мыслей и выкладывали местные новости.

Ну, и какое время может больной человек провести в постели, почти без движения, в комнате, где нет даже форточки?

Год, два, три?..

Мама Зои пролежала ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ!!!

Последние года два-три с большим трудом даже садилась на кровати. Много раз с кровати она падала, пытаясь сесть, так что пришлось тяжелым буфетом загородить остатки ее жизненного пространства.

Что помогало ей жить? Обстановка в доме явно не располагала к спокойному бытию. Муж Лизы, тот самый Виктор Шкапин, кто бы мог подумать, последний год своей жизни провел в доме тещи на кровати, поставленной буквально в полутора метрах от ее постели. Виктор слабел, уже не мог и выпивать. Потерял зрение и тихо, Слава Богу, умер, конечно же, давно прощенный Валентиной Ивановной.

Елизавета осталась без мужа в пенсионном возрасте, а дочь ее, Лидия – в молодом. Не сложилась жизнь у Лиды с моряком-дальневосточником, уроженцем Городецкого района. На память от бывшего мужа Лида уже в Городце 31 октября 1982 года принесла из роддома маленькую девочку, Юлиньку.

Но как же бывает жестока судьба к людям! Елизавета прожила жизнь не в лучших традициях (хотя усердно всегда молилась), дочерью занималась мало. Затем ее дочь, Лидия, осталась молодой без мужа и с малым дитем на руках. Но и этого мало. И вот это бывшее дите, Юлия, выросшая в худенькую девушку и вышедшая замуж, прожила в замужестве всего около месяца. И ей, как и матери, остался «на память» от супружества ребенок – как вы уже догадались – девочка...

Вот это сплетение неудачных женских судеб, каких-то фатальных женщин-одиночек и окружало больную маму Зои в течение 15 лет.

Ссоры, скандалы были нередки в этой семье, что не прибавляло сил больной.

Не знаю, за счет чего жила Валентина Ивановна. Постоянные думы о детях и внуках (а позднее и о правнучке) терзали душу матери. Конечно, Зоя предлагала матери идти к нам, но разве пойдет 90-летний человек из своего родного дома – хоть во дворец?

Склероза Валентина Ивановна не миновала, и он все усиливался. Дело дошло до того, что она, всю жизнь проведенная в молитвах, особенно почитавшая святого Николая, спрашивала меня, взяв за руку: «Леня, а как молиться Николаю-угоднику?».

Слезы наворачивались у меня на глазах...

Очень боялась она умереть зимой в холода. «Как же будет тяжело долбить землю!..» - волновалась она за будущих могильщиков. Господь услышал ее. Умерла она тихо, спокойно, без холодов, 21 октября 2007 года.

Ей шел 99-й год жизни.

Зоя присутствовала при смерти матери, и с ней случилась сильнейшая истерика. Она не плакала, она рыдала, кричала в голос, готова была раздвинуть стены. Любовь – при жизни, любовь – при смерти.

Валентина Ивановна немало понянчилась и со второй нашей дочерью Наташей. Наташа родилась через 5 лет после Аленки, в 1970 году (круглая, конечно, цифра!) Ребенком Наташа была гораздо спокойнее Елены, она и должна была бы прожить спокойную жизнь.

Да ведь жизнь выкидывает разные коленца.

В августе 1977 года мы с Зоей, дождавшись, когда Наташа заснет, побежали в свой любимый кинотеатр на 9-часовой вечерний сеанс. Не было еще и 11 вечера, когда мы вернулись домой. Подходя к дому, увидели соседку, стоявшую у нашего окна (мы живем на 1м этаже) и пытавшуюся успокоить отчаянно ревущую нашу дочку. Оказывается, Наташа проснулась и, не обнаружив нас дома, впала в ужасную панику. По моему детскому пути (помните, пробивал стену молотком!) она не пошла, а вот взобралась на подоконник и изо всех сил кричала, звала непутевых родителей.

Этот сильный стресс не прошел даром, у Наташи стали выпадать волосы на голове и появились даже проплешины. Конечно, мы забились тревогой. Зоя сумела достать направление в Московский научно-исследовательский институт, занимавшийся подобными проблемами. 3 недели наша дочь пролежала там, припоминаю, на ул. Короленко. Слава Богу, помогли молитвы наши, Валентины Ивановны (да и моей мамы, которая была тогда в Москве и навещала Наташу в больнице). Дочка стала поправляться, лысинки начали зарастать, а волосы

у нее всегда были замечательными. Оставлять ее одну мы больше не рисковали ни из-за какого чудесного фильма.

Пришлось, правда, пойти в школу Наташе не 1 сентября, а дней на 10 позднее.

Аленка в детстве, да и большую часть своей жизни была очень худенькой и маленькой. Она была столь мала, что мы с Зоей не решились отдать ее в школу со сверстниками (формально, правда, ей не исполнилось 7 лет (день рождения 1 октября), а пошла учиться почти в 8 лет, в 1973 году.

Училась она хорошо, но не блестяще. Все же в 1983 году после окончания школы без протекции и взяток поступила в Горьковский госуниверситет, правда, по баллам на заочное отделение, на филологическое отделение.

Конечно, сразу после школы пошла работать (библиотекарем в соседнюю школу). Зарплата очень маленькая, но все же хоть что-то.

Училась в университете Алена неплохо, но повторила судьбу матери: в конце учебы вышла замуж и родила дочку. Так что окончание вуза прошло в мучениях, но все же состоялось.

Замуж Алена вышла за одноклассника, хорошо учившегося в школе, затем в политехническом институте. Все было по любви, затем рождение дочери Сашеньки в 1987 году. И все бы хорошо, да не сложилась семейная жизнь у Алены.

Алёна Лисина

автомобиль, земельный

Муж нашел свою юношескую любовь (к тому времени разведенную с первым мужем), и у него проснулись чувства.

Случилось это в 1992 году, когда Саше было 5 лет. Муж и его родня оказались ужасно мелочными и меркантильными. При разводе (по его заявлению) у него остались квартира, гараж,

участок и половина того, что оставалось в квартире. Перед этим Алене пришлось уйти из родной школы, где у нее все складывалось очень удачно (русский язык и литература), но доняли кляузы матери мужа. Пришлось искать работу в Нижнем Новгороде, нашлось лишь место в милиции. Работа – не сахар, но где нас ждут?

Чуть не весь 1993 год был занят непрерывными заседаниями в суде (муж подавал массу исковых заявлений, а после судебных решений – апелляции вплоть до (это правда) Верховного суда РФ. Вот это сутяга! Не хочу даже вспоминать его фамилию, противно.

Вот так с 5-летнего возраста у нас с Зоей появилась «третья дочка», дочка-внучка Сашенька, которую мы растили, учили, выдали замуж, и которая вот-вот сделает нас прадедушкой и прабабушкой.

1993 год прибавил мне много седых волос и унес несколько лет жизни (ведь мне пришлось представлять интересы дочери в суде; она-то работала уже в Н.Новгороде.

Но если бы знать, какие испытания принесет нам судьба с младшей дочерью!

Аленка же не очень долго была в разводе. Вскоре после окончания судебных процессов, оставшись фактически ни с чем, она нашла холостого парня чуть моложе ее, спокойного по характеру, профессионального водителя.

Вскоре у них появился сынок Мишенька Захаров, в 1997 году. Так что Елена, можно сказать, нашла место в жизни. Жилье у нее есть, Миша самозабвенно любит футбол (что льет бальзам на душу деда Лени), муж Андрей, хоть и полный, зато могучий и спокойный, так что сильно жаловаться на судьбу было бы грешно.

Как ни тяжело было пережить нам с Зоей то, что произошло с Аленкой, но судьба Наташи может кого угодно ввести в протрацию.

В отличие от «заморыша» Аленки Наталка росла крупной стройной девушкой с красивыми волосами. После школы Наташа поработала санитаркой у Зои в поликлинике, а через год поступила в Горьковское медучилище на отделение зубных врачей. Стала зубным врачом. Пару лет за ней ухаживал высокий парень Володя, позвал замуж. Наталка согласилась и «сгоряча» произвела на свет дочку Катю (1993 год) и сыночка Сашу (1995 год). Хотя у Наташи была квартира в Н.Новгороде и намечалась работа в поликлинике, проявился вдруг современный характер у Володи – абсолютный пофигизм, равнодушие к судьбе семьи, судьбе детей. К тому же муженек воспылал любовью к сотруднице, незамужней даме. Наташа помучилась, но все же дело закончилось разводом.

Остаться одной в 28 лет с двумя малыми детьми, трех и пяти лет, не имея сносно оплачиваемой работы – это было ужасно! Но это случилось!

С тех пор Наташа начала курить и не может пока расстаться с этой плохой привычкой.

В 90-х годах закончила как-то между делом Наташа курсы парикмахеров, вот это и стало ее профессией. Бьется Наталья как рыба об лед, воспитывает двух детей, которые становятся все более старшими и неуправляемыми. Если бы не помощь (всю-то жизнь) мамы Зои, честное слово, не знаю, как бы они выжили.

Мои читатели, наберитесь терпения, хочу порассуждать об отцах и детях, о разных поколениях.

Ну вот, скажете вы, старая песня старого ворчуна о том, как было хорошо раньше, как стало плохо теперь.

Ну, не совсем так.

Конечно, я понимаю: цивилизацию, технический прогресс остановить нельзя. Успехи информационных систем, ТВ, мобильных телефонов, бытовой техники, множество автомобилей, поездов, самолетов – этого не избежать, да и вряд ли надо. Однако цивилизация нанесла многочисленные бреши в моральных устоях людей. Да, крик каждого последующего поколения вслед за Цицероном: «*O tempora! o mores!*» кажется вечным.

Не собираюсь говорить от имени поколения. Я хочу сказать только от своего имени, ну и об опыте своей семьи.

Во времена моей молодости был безусловный диктат идеологии, называемой коммунистической. На словах в этой идеологии все было превосходно. Одним из краеугольных камней в ней было понятие о семье, детях, воспитании.

И, поверьте, так или иначе этот принцип в обществе работал. Все делалось для поддержания брака, семьи, детства. Да, конечно, все было ужасно и-де-о-ло-ги-зи-ро-ва-но (фу, еле выговорил), но много усилий тратилось, чтобы браки, семьи не распадались, и эта атмосфера принятия семейных ценностей преобладала в моральном климате общества. Что, скажете вы, не было разводов, драк в семье, любовниц и любовников? Да сколько угодно! И все же это не было нормой, а нормой как раз была семья, дети, коллективное воспитание.

Сказать родителям: «Предки, я поживу пару месяцев с Маринкой, может, что склеится!» - было просто невыносимо.

В нашей семье Лисиных произошло так: сестра Евгения очень долго, до смерти прожила с армянином Михаилом, брат Юрий со своей Тонечкой миновал 50-летний рубеж семейных устоев, я надеюсь прожить еще 4 месяца и отметить сапфировую (45 лет) свадьбу со своей драгоценной супругой Зоей.

Мы – исключение?! Не думаю.

Каждый год в нашем районе торжественно отмечают «золотые» свадьбы. И каждый год на это мероприятие собираются 20-30 семей!

РАЗДУМЬЯ О СЕМЬЕ

Что же теперь? Цивилизация, технический прогресс во многом избавил людей от физического труда в поле и, особенно дома, что, конечно, не может не радовать.

Однако господство информационных технологий: ТВ, мобильные телефоны, компьютеры (с игралками-стрелялками-убивалками) - вытеснили живое общение людей, духовные связи стали ослабевать, а иногда и прерываться. Нет, еще не раз вспомнишь жеребенка в Есенинском «Сорокоусте» (город молох- паровоз победил живого скакуна, олицетворяющего природудеревню).

Ну, а теперь – вы сами знаете что. Молодые люди очень редко вступают в брак, как говорится, с чистого листа. Нет, надо пожить хотя бы с полгода, притереться (или не притереться), потом можно что-то решать.

А вот то, что за эти несколько месяцев обычно производится на свет ребенок (чуть позднее, когда молодые уже и расстались), как-то и не думается. Отчего же так? Да нет у многих молодых нынешних людей нравственного стержня. Соблазны в современном мире выглядывают из всех щелей: пиво, вино, водка (в ха-ро-шей компании с музычкой, танцами, шашлычками), игромания, мечта об автомобиле, квартире. Все бы это было неплохо, если достигалось честно и своим горбом. А хочется-то много и сразу!

Где тут спрятались семейные ценности?

Ну, старички, вы даете! Какие-такие ценности, а на что СЕКС?! Прошли времена СССР, когда (это давно стало афоризмом) прозвучало: «Секса у нас нет!!».

ЕСТЬ!! И легкодоступный, и безопасный, и опасный, и очень опасный – на выбор. Чего ради связывать себя семейными узами, да еще (не к ночи будь сказано) ребенком – мокрым, сопливым, вечно орущим? Кому это надо?

Ну и получается, что и браков-то теперь не так много, а вот матерей-одиночек (и детей без отца) – ужасное количество.

Я нарисовал слишком мрачную картину?!

К сожалению, она правдива, доказано опытом наших детей.

Обе дочери были в юности и хороши собой, и достаточно умны, и получили образование, и мы с женой старались часть нашей души вложить в их детские души. Ну, чем не предпосылки для удачного брака?

Итог: старшая, Елена, осталась с 5-летним ребенком на руках у разбитого корыта, «безо всего»; младшая, Наталья, и вовсе, как в кошмарном сне – с 3-летним сыном и 5-летней дочерью в ужасные 90-е годы.

Я не собираюсь оправдывать обеих дочерей. Очевидно, было что-то неправильное в их отношениях с бывшими мужьями. Но – это уж точно – обе они всеми силами старались удержать семью, удержать ОТЦА своих детей. Не они, а мужья захотели «свободного плавания», забыв о родных детях.

И если мужа Елены, несмотря на все его мерзкое меркантильное поведение в судебных битвах, еще могу хоть как-то оправдать (после развода он мгновенно женился и тут же произвел на свет долгожданного сыночка), то поведение мужа Натальи абсолютно подходит под мое описание нынешней действительности.

Ну, смотрите: человек сотворил двоих детей, дочь и сына; есть жена, умеющая (кроме любви) готовить, стирать, в общем, ухаживать. Нет, меняю все это богатство на вольную жизнь, без забот о семье. Так жить проще, легче, веселее.

Никто из нас не мог понять, как этот высокий, тощий, совершенно некрасивый молодой человек мог решиться на такой шаг? В разговоре с одним из приятелей он открыл «философию» своего поведения. «Я, - сказал он, - одинокий волк».

Вот так, ребята, одинокий волк не может быть привязан к семейному очагу.

Удивляет поведение этих «волков» после развода.

«Старший» платил алименты только по исполнительному листу (с задержками и судебными исками с его стороны), «младший» не делал и этого, а платил, «когда есть деньги». В воспитании же родных своих детей «старший» не принимает участия, «младший» - по минимуму кое-что делает.

Зачем я все это пишу?

Да, конечно, оба эти неудавшиеся мужчины давно прощены мною, но сердце-то болит. Болит сердце и за сломанные жизни дочерей, но, особенно за судьбу их детей, наших внуков. Беспокоят нас с Зоей дети Наташи. Одно слово – «безотцовщина».

ЛЮБОВЬ, ЗОЯ

Повествование мое близится к концу. Но собираюсь я его закончить вовсе не в «миноре», а совсем даже в «мажоре». Мажор этот называется любовь.

Любовь к моей единственной, драгоценной жене. Вы скажете, как это я посмел что-то вякать о таком великом чувстве? Может, я решил сравниться с волшебными звуками Александра Сергеевича, Михаила Юрьевича, Ивана Сергеевича, Александра Александровича, Александра Ивановича, Сергея Александровича, Владимира Семеновича, ну, и других чародеев великого русского языка?

Да нет, конечно, видимо, я не умру от скромности, но не собираюсь и вступать в соревнование с корифеями.

Я просто, очень просто хочу рассказать о своей любви теми словами, которые знаю и которые идут от моего сердца.

Если браки совершаются на небесах, то наш с Зоей точно зарегистрирован в небесной канцелярии. Вы думаете, мы с женой два голубка, больше 40 лет воркующие друг у друга на плече?

Да нет же, ребята.

Я, Зоя и дочери

Многое было в нашей семье: и ссоры, даже скандалы, и оскорбления, и некоторое, целомудренно скажем, физическое насилие – скрывать не буду. Раннее рождение дочери (Зое было всего 20 лет) с одновременной учебой и всегдашним нелегким трудом (как стала она работать после школы, так и трудится до сих пор, в 64 года), бедное, просто нищенское существование нашей молодой семьи (зарплата инженера составляла всего 100 рублей) доставили массу неприятностей в наш быт. Но это у Владимира Владимировича семейная лодка разбилась о быт. Наш корабль оказался прочнее, чем у «горлана главаря». Помогло, конечно, и окончание учебы Зоей (в 1968 году), устройство ее на работу зубным техником и рождение второй дочки, и, как же! – помощь обеих наших любимых матерей, и материальная, и душевная, и «вождением» с нашими детками. Как можно это забыть или недооценить?

Много добра, ласки, душевного тепла вложила в наших детей мама Зои, абсолютно не прикладывая к этому каких-то специальных усилий. Просто она была сама такая: добрая, понимающая, доказывающая что-либо не криком (никогда!), а тихим спокойным убеждающим голосом.

Незаменима и помощь моей мамы и по «вождению» и, если позволяли наискромнейшие ее доходы – материальные.

Ну, а инженер (я) стал ведущим инженером, чуть прибавилась зарплата, но основой материального благополучия семьи всегда был труд Зои. Она могла работать не 8, а 10-12 часов в день, она могла второй раз часов в 10 вечера снова придти на работу и трудиться до 12 ночи. Она смогла стать хорошим специалистом, к которому люди шли. Материальное состояние семьи улучшилось, но не настолько, чтобы жить без забот.

Что-то я сбиваюсь из духовной сферы в материальную. Но ведь жизнь состоит не только из поцелуев и поглаживаний. А материальное – оно переплетается ведь с духовным. Зачем Зоя всю жизнь трудится, не покладая рук? Только для блага своей семьи. Лично ей, конечно, хотелось и модно одеться, и украсить квартиру, и, позднее, иметь автомобиль, но интересы семьи она всегда ставила выше своих.

Она никогда не жила «для себя».

Ну, вот дети выросли, сами стали родителями, казалось бы, теперь можно и пожить «для себя», ну, для нас двоих.

Нет, вы не знаете мою Зоюшку.

Во-первых, у нас с 1993 года жила и воспитывалась третья «дочка-внучка» Сашенька со всеми заботами и расходами.

Во-вторых, чуть-чуть «оперившись», Зоя начала помогать («не учите меня жить, а...») материально сначала старшей, а затем и младшей дочери.

И эта помощь продолжается (по мере возможности) до сих пор.

Зоя очень общительна. Большинство людей, с которыми мы знакомились во время путешествий, становились потом нашими хорошими друзьями на долгие годы. Очень знакомо ей чувство сострадания. Много лет она кормит у нас дома бывшую санитарку поликлиники. Та практически не пропускает ни одного воскресенья. Приходит и пообщаться, и покушать, и взять с собой.

Но этого мало. Зоя подает еду Христа ради убогому бывшему соседу, молодому парню. Он, конечно, бездельник (с руками, ногами, здоровый – кроме головы), попрошайничает в магазине (имеет квартиру, мобильник, курит, выпивает), но Зоя не отказывает в пище. Наши соседи пугают: «Смотрите, Лисины, Сашка ведь болеет чесоткой, да еще мужики его используют ... не подхватите заразу!».

Но Бог миловал.

Зоя постоянно о ком-то заботится, и забота эта бескорытна. Нет, она не раздает все свое добро, а именно помогает по мере сил и возможностей.

Если писать о том, какая она хозяйка, надо потратить кучу бумаги. Она сама великолепно готовит и даже любит это делать (для любимых людей). Но этого мало – она научила хорошо готовить и обеих дочерей и внучку Сашу. Теперь у Саши своя семья (пока лишь муж Сергей Гузов), но она постоянно спрашивает у бабушки совета, как что приготовить.

Зоя к тому же – новатор по натуре. Она физически не может надеть то, что именуется старушечьим, следит за модой (конечно, учитывая возраст), нередко восхищая своими нарядами окружающих. Если я абсолютный консерватор и ретроград по части интерьеров квартиры, то она с трудом выдерживает 2-3 года без смены обстановки. Причем не обязательно это заключается в замене мебели, часто это лишь перестановка либо «освежение» за счет части чего-то нового (шторы, коврики, обои, светильники и т.д. и т.п.).

Как она терпит наши книжные стеллажи, сплошь закрывающие одну стену комнаты, вечно удивляюсь. Видимо, лишь из-за большой любви ... к мужу (не к книгам же!).

Ну, что, хорош портрет ангела с крылышками?

Нет, ребята, кроме массы достоинств, у моей дражайшей супруги имеется немало недостатков, она ведь живой человек, и даже отростки крыльев я у нее (пока) не прощупал.

Но если вы ждете, что я сейчас назову хотя бы некоторые ее антидостоинства, то – не дождетесь!

Я думаю, что любовь, как цветок, можно вырастить, ухаживать за ней, поливать и подкармливать необходимыми веществами, и пока это продолжается, она не умрет.

Наоборот, любовь в зрелом, тем более в пожилом возрасте прекрасна!

Когда после утренней совместной молитвы Господу Богу я слышу от жены такие простые и такие великие слова: «Милый, я люблю тебя!» - сердце мое сжимается от огромной нежности и благодарности к своему любимому человеку.

Ребята! Мне не 20-30-40-50-60, мне – 70 лет! (через месяц). Я испытываю великое счастье, какое только может быть у человека, у мужчины!

И я говорю совершенно искренне: если когда-нибудь моей дорогой супруге для выздоровления понадобится любой орган тела человека, я с радостью отдам ей и руку, и ногу, и почку, и глаз, и что угодно, лишь бы продлились дни ее жизни.

На один из юбилеев Зои я вручил ей несколько больших поздравительных открыток. Там были стихи и эпитеты, которыми я хочу ее называть. Не буду приводить все послание, остановлюсь лишь на некоторых, абсолютно верных.

Итак, послушайте, моя любимая жена:

«Дорогая, верная, необыкновенная, пленительная, чувственная, бесценная, несравненная, миловидная, энергичная, прелестная, заживляющая, гостеприимная, необходимая, чарующая, одаренная, подлинная, неунывающая, славная, простосердечная, дивная, неизгладимая, лакомая, домашняя, волнующая, благодарная, созидательная, озаренная, яркая, прозорливая, умная, справедливая, удачливая, ладная, преодолевающая, притягательная, оптимистичная, ласковая, нежная, смелая, чудесная, жизнеутверждающая, честная, исцеляющая, чародейка, светлая, отдающая, лучезарная, двужильная, возбуждающая, достойная, благожелательная, надежная, эмоциональная, особенная, душевная, неуязвимая, мудрая, упорная, ладушка, лучшая, сердобольная, добрая, волшебная, искусная, успешная, родимая, заботливая, оберег, возлюбленная, врачующая, желанная, кормилица, любавя, незаурядная, ненаглядная, радостная, удивительная, ясная».

Как видите, обошелся без «алмазной» и «бриллиантовой».

Все, заканчиваю. Да, мы не молодеем. С годами появляется все больше болячек. Все же хочется еще пожить, если и со склерозом (куда же от него), то хотя бы без маразма.

Желание самое большое (и обоюдное с супругой) - прожить бы десяток лет, двигаясь на своих ногах, а умереть, если не в один день (не настолько мы праведны!), то хотя бы в один год.

Желаю всем одолевшим эти правдивые воспоминания мира, добра и обязательно, любви.

PS

13 июля 2009 года в 13 часов 10 минут в роддоме г. Заволжья наша внучка Сашенька точно в срок родила девочку. Пока что родители не придумали ей имя. Среди кандидатур Мария, Марина, Анна ... Но я точно знаю, как зовут малышку.

Ее зовут ЖИЗНЬ!

Жизнь продолжается.

2005 – 2009 годы

г.Городец Нижегородской области